

А. И.
ДУШИН

ПО ЛЕСАМ
И РЕЧНЫМ
ПЕРЕКАТАМ

(ОЧЕРКИ О ПРИРОДЕ МОРДОВИИ)

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1974

Костромские леса. Розовощекие мачтовые сосны, светлые березы и зеленые осины по беломошным болотам. Говорливая речка Малиновки с гольцами в студеной воде. Четырнадцать изб по муравчатому косогору. Там Детство. Оттуда любовь к природе.

Октябрь 1917 года. Полыхание Красных знамен, матросские бескозырки. Ходим с бантами.

Гражданская война. Комсомол. Школа имени В. И. Ленина. Школа командирует в ВУЗ.

Я - биолог Нижегородского университета. Полгода в экспедиции. Делегат пятого съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве. Наука – первая любовь - кружит голову.

Ассистент университета, доцент. Пятнадцать экспедиций: тайга и тундра. Европа и Азия. Черное, Японское, Баренцево, Карское моря. Влюбленность в реки, их жизнь и будущее. Родные Сура и Мокша. Им посвящены 10 лет жизни.

От Автора

В основе политики партии и Советского государства об охране природы в наше время лежат заветы великого Ленина, составляющие четкую единую систему его взглядов на природу. Ленин понимал охрану природы как триединую задачу: всемерно беречь ее богатства, особенно редкие, невозполнимые в процессе природопользования; разумно, расчетливо пользоваться природными источниками; непрестанно восполнять изымаемые в производство, в хозяйство сырьевые и другие ресурсы.

Мы не можем противопоставлять техническому прогрессу наше стремление сохранить созданное природой и неприкосновенности. Природа - это великая мастерская, в которой происходит историческое творчество народа. Это - наш дом родной. Главным и решающим условием охраны природы Владимир Ильич Ленин ставил научную организацию эксплуатации природных богатств.

В докладе, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. П. Брежнев говорил: «Бурный рост науки и техники делает особо актуальной проблему отношений между человеком и природой. Еще первые социалисты считали, что важной чертой общества будущего является сближение человека с природой.

С тех пор прошли века. Построив новое общество, мы воплотили в жизнь многое из того, о чем могли лишь мечтать предшественники научного социализма. Но природа не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого человека.

Обо всем этом хочется напомнить, чтобы подчеркнуть, как важно беречь природу, охранять и приумножать ее богатства. Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, забота о земле, о лесе, о чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное, коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей».

В этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС выражена суть проблемы отношений между человеком и природой.

Совершенно необходимо отличать два различных вопроса: наши грандиозные успехи в области общественного производства и современное положение естественного природного комплекса на Земле.

Нет спора - они взаимосвязаны. Но успехи в одной области отнюдь не означают благополучия в другой.

Мы страстно хотим, чтобы читатель, отправляясь с нами в путешествие, определил свое личное отношение к природе.

Из 15 экспедиций, в которых участвовал автор, двенадцать были организованы с целью исследования животного мира и условий его обитания в средней полосе Европейской России. Экспедиции работали в два периода, разделенные промежутком в тридцать лет, что позволило сравнить и оценить изменения, происшедшие за это время.

Современные знания позволяют нам учитывать природные ресурсы. Касается ли это запасов угля и нефти, леса и белки, травы и древесины. Речь сейчас идет не только и не столько об охране дикой природы от вмешательства человека. С точки зрения большинства современных ученых, нетронутые участки природы необходимо сохранить в виде специфических, оригинальных ландшафтных зон и их участков в статусе заповедников и заказников. Согласно Международной биологической программе перед человечеством встает серьезная и неотложная задача максимального использования солнечной энергии и воспроизводства органического сырья в виде первичной и вторичной продукции. Мы не касаемся вопроса о ресурсах неорганического промышленного сырья. Мы говорим о животных, растениях и человеке - потребителе и создателе гармонического органического мира Земли.

Полевые исследования дикой фауны, организованные в последние годы Мордовским государственным университетом имени Н. П. Огарёва, проводились преимущественно в бассейнах рек Суры и Мокши. Они охватили территории трех автономных республик и четырех областей. Основными исполнителями работы были студенты биологи и географы. Их отношение к природе, роль и место «биологического» в социальной и личной жизни людей были предметом постоянных споров. В них рождались «истины» для каждого своя и для всех общая.

Нас интересовали и взгляды людей уходящего поколения, объединенных здесь в одном лице - Ивана Дмитриевича Будникова. Разумное в их суждениях о природе, трезвое понимание ее роли в жизни человека, яркие воспоминания детства, прошедшего в наших местах, простая и верная любовь к Родине позволяют более отчетливо воспроизвести недавнее прошлое.

Постоянное участие и интерес, проявленные к нашей работе пионерами, позволяют заглянуть в завтрашний день отношения человека к природе. Главное, что нам хотелось бы пожелать молодому поколению, - не рубить сук, на котором сидим!

И, наконец, нам хочется закончить словами крупнейшего советского ученого, создателя учения о биосфере академика В. И. Вернадского: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс - всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества, как единого целого... Идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы...

Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим».

Привет!.. Привет!.. Кто вы?

Мы рабочие пензенского велосипедного... А вы кто?

Мы студенты МГУ имени Огарева из Саранска!

Мимо проплывают шлюпки. На них молодежь. Весла в знак приветствия подняты вверх. Летят шуточные вопросы.

У вас дети есть?

- У нас только девушки!

Неугомонный острослов Володя кричит вдогонку:

- Снимите рею с бугшприта, форштевень согнулся!.. Минутное недоумение сменяется дружным смехом. Сура уносит туристов. Шлюпки скрываются за поворотом. Крылато взметнулись весла, и только лесное эхо запросило еще какой-то ответ на высокой ноте девичьего сопрано. Сура несет взмученные воды. Течение здесь быстрое: от восьмидесяти сантиметров до двух метров в секунду. Из воды угрожающе торчат стволы. Их целая батарея. Весеннее половодье сорвало часть берега вместе с деревьями и вынесло их на середину. Окрестные крестьяне весной спиливали деревья на дрова; в середине лета вода спала и отполировала пни до стального блеска. На метр-два они выставились из воды и нацелились в небо.

Где-то в темной бурлящей глуби у обмытого комля притаился сом, а наверху, в уютном расщепе, свила гнездо белая трясогузка. При приближении людей она грациозно машет хвостиком и отлетает на ближайший куст на берегу. Когда непосредственная опасность минует, птичка, сделав изящный пируэт, возвращается в свое недоступное врагам убежище.

Наши оранжевые палатки как большие подсолнечники. Под стать им загорелые тела парней и девушек. «Рабочая» одежда у нас — плавки и купальники. Все к этому привыкли.

Вспышка волнения, вызванная встречей с туристами, миновала. Все принялись за свои дела. Девушки чинят сети, парни копаются в моторах. У нас несколько категорий работ. Главное — это лов рыбы, обработка пойманного материала, взятие проб зоопланктона и бентоса. Рыба для нас прежде всего предмет для изучения и только потом продукт питания. Мы одинаково радуемся, когда ловим очень крупную и крошечную, но интересную в научном отношении. Мы изучаем пищу рыб не только по содержимому их

желудков, но и живущую в воде. Зоопланктон и бентос — первостепенный объект нашего интереса.

Самая скучная работа — починка сетей и приготовление пищи. Необходимы, но часто очень утомительны переезды.

За работой ведется разговор на самые разнообразные темы. Сегодня, например, Володя, у которого «язык на шарикоподшипниках», обращается к Олечке. Олечка, хорошенькая, немножко избалованная, чуть-чуть ленивая, решительно не желает поддерживать разговор с Володей.

- Ты послушай, Каттнер пишет...

- Отстань ты со своим Каттнером...

- Да ты послушай!..

- Не хочу, понял?..

- Александр Иванович! — обращается Володя ко мне. - Вы читали Каттнера?

Замечательные идеи...

- Да, интересный писатель.

- Вы помните его Хогбенов. «Мы - Хогбены, других таких нет»...

Володя разгорается и, обращаясь ко всем, продолжает:

- Понимаете, пра-пра-прадед героя рассказа был мутантом. Вот идея. Он по-крестьянски простодушен. Быт семьи Хогбенов элементарно прост. Но... они мутанты. Они совершенно отличны по своим возможностям от других людей. Им ничего не стоит стать невидимыми. Захотел и стал. Захотел полететь и полетел без каких-либо аппаратов. Сделать атомный котел, лазер, ученого «профессора» запрятать в кувшин, как безобидного, но очень уж надоедливого джина - пожалуйста! Хогбены долго юны. Младенцу уже четыреста лет, а «дедусе» неизвестно сколько...

Большой и указательный пальцы плясали, набирая из кисета махорку, а три остальных, прочно прижатые к дубленой коже ладони, казались искусственными. Наискось по кисти руки шел рубец, серовато-розовый, морщинистый, какой-то самодельный.

Правая узластая рука казалась несоразмерно большой, но в ней, как и в левой, где-то внутри работал тот же шуттель-аппарат, вызывая непрестанную трясучку.

Эти руки, как магниты, притягивали меня, заставляли отвлекаться, забывать, о чем мне необходимо было спросить Ивана Дмитриевича.

Душевные разговоры у нас с Иваном Дмитриевичем чаще всего происходили в двух местах: на левом берегу Суры у восьми тополей-великанов, что растут напротив меловых гор ниже деревни Чеглы, или на берегу речки Черменей, Сегодня мы разговариваем, сидя на старой дубовой коряге, белесой, голой и согнутой. Перед нами на луговине стоит копешка сена; кругом разбросана и сохнет скошенная трава. Хочется лечь на нее, глядеть в небо и радоваться, что неистовое солнце больше не печет и уже прячется за вершины сосен. Звенят струны невидимых предвечерних музыкантов. Или это взлетевшие ввысь комары, или звенит сам серебряно-струйный воздух.

Я гляжу на своего соседа. Темная с редкой седой подпушью борода, короткий горбатый нос, крупные валики морщин спрятались под надвинутый на лоб козырек картуза. На глаза легла белесая паутина старости. Весь он, в пиджачишке и потерявших естественный цвет солдатских штанах, чем-то напоминает сказочного деда-моховичка. Он мал ростом и узок в плечах, ему уже семьдесят девять, но он споро ходит по лесным тропам.

- Что ты глядишь на урода? - поднял он левую руку. - На германской немец палашом ударил. А тут, - указал он на зигзагом сросшуюся ключицу, - в гражданку! В Отечественную контузило. Хватает, брат.

Иван Дмитриевич говорил с явно эрзянским акцентом, спокойно и, казалось, равнодушно. Он до конца выкурил папиросу, прижал огонь к отполированному телу коряги и взялся за грабли.

- Переверну еще разок. Мало сена, совсем мало. Старуха корову не дает продавать. Без молока ей никак нельзя. Стар стал - косить тяжело, а надо. Старуха без коровы совсем

хворать будет. С тоски умрет. Как можно! Вот так и таскаю по клочку, где добрым людям косить не с руки.

Вес это он сказал как бы рассуждая вслух.

- Дети выросли. Разъехались кто куда. Проси не проси - домой не едут. Видишь, рабочими стали. Газ у них в квартире, ванны, - с оттенком презрения к такой роскоши заключил он и снова вытащил кисет. - А вот такого неба, такого леса, озер, как у нас, в городе нет.

Нет, он не обижается на детей. Время пришло - лети, устраивай свое гнездо. Только одно обидно: как можно сменять присурскую благодать на газ, от которого на улицах дух из груди выворачивает. Иван Дмитриевич затягивается махоркой и тяжело вздыхает.

- Бывало, молодой был. Эге... Не гляди, что я маленький. Погоняйся-ка за мной! Пришло время - в солдаты взяли, на действительную. Попал я к полковнику в кучера. Ел с денщиками, а они известно, как едят. На побывку домой приехал - все девки глаза пялят. Однако ж у меня зазноба - Матрена. Договорился с ней - через полгода поженемся. А тут война. Ладно, говорю, жди! Не убьют - обязательно женюсь. Да в окопах до революции и просидел. А Матрена все ждет. Пишет: «Старая я стала, не возьмешь, пожалуй». Стыдится больше писать о себе. Чужой рукой обо всем не скажешь. Я в ответ (научился кое-как царапать): «Не дури. Ты мне теперь как дубрава на Суре. Жди своего часа. Революция - это мир! Так говорят солдаты». И в самом деле пустили нас по домам.

Приехал. Матрена как услышала, сразу прибежала. В сенях стоит. Ждет. Хоронится. В избу народу полным-полно набилось. Отец четверть самогону на стол. Шутка ли, сын живой из такой передряги вернулся. Все радуются. А я как увидел Матрену - в сени. Хочу выйти - народ не пускает. Жадный был народ до новостей. И то сказать - газет не было. О радио тогда и не слышали. Я говорю:

- Люди добрые, пустите солдата по нужному делу. - Смеются, однако пустили. Матрена ко мне, а я к ней. Шепчу: «Уйдем. Здесь говорить не дадут».

На улице холодно. Мы в баню. Окутала она меня полушубком, обняла. Ищут нас, а мы сидим и ни гу-гу. Сидим и все. В темной бане нам как летом во ржи. На сердце жаворонки поют.

Мать нас нашла. Говорит: «Ты что девку позоришь?» - Матушка, - говорю, - мы женемся. А позорить свою жену у меня и в мыслях не было.

Мать хлестнула нас веником и смягчилась:

- Бесстыдники, - говорит, - как людям в глаза глядеть будете?

Матрена ей в ноги.

Тут и мать разревелась. Потом говорит:

- Раз живой, невредимый домой вернулся - судьбу дразнить не будем. Я живехонько баню истоплю. Вечером с родителями приходите. К свадьбе будем готовиться. Милуйтесь тогда - никто слова не скажет.

Иван Дмитриевич отдался воспоминаниям.

- Дни как птицы в полете. Словно и дома не был. Опять война. Опять, Иван, бери винтовку. Гражданка пожаром запылала. Опять с царапиной вернулся. Думаю - теперь все, отвоевался. Ан нет - Отечественную прихватил. Однако пора. Пойдем, Иваныч, у реки надо покосить. - Закинув косу на плечо, он зашагал к броду.

Гуляет по лесу славная речка Черменей. Прячется среди зарослей черной смородины, прыгает через бурелом, ныряет в тростники и журчит тихо-тихо лесная речка. Кормит язей, прячет за утонувшей валежиной темно-зеленую щуку, оберегает глупых утят.

Через закопченный луг, мимо озера Тростное мы идем по лесной дороге по направлению к Суре. Трещат в молодняке дрозды, свирепо крикает жулан, насаживая очередного жука на острый шип шиповника, но больше всего я люблю слушать крошечную птичку, которая с вершины высоченного осокоря тенькает, как кидает

капельки дождя в прозрачную лужицу. «Тень, тий, тень»,— несется с вершины. И так далеко слышно, что пройдешь километр, а голос пеночки как будто совсем рядом.

Иван Дмитриевич останавливается. Виден уже правый ульяновский берег реки. Справа от дороги широкая вырубка, поросшая черемухой и орешником. Здесь пристанище стаяк щеглов.

Иван Дмитриевич смотрит вверх, на сухой сучок, протянувшийся к плывущему в вышине золотистому облачку. Он приставил косу к стволу дерева и опять полез за кisetом.

- Этому дубу сколько лет? Скажи... А вон тот старше.

Мы вышли на берег Суры. Подошли ко второму великану, обтоптали траву и попытались обнять ствол. Нет, здесь нужно три человека, чтобы обхватить тело этого старожилы.

- Мой дед говорил, что по нашему берегу таких дубов было не счесть. Когда я был мальчишкой, так из таких дубов у нас вырубали валы для мельничных колес и крестовины под церковные купола. Балки получались метр в поперечнике. Ему теперь лет под двести. В пойме дубы быстро растут. Беречь бы их надо. В нашей симкинской пойме их осталось раз, два и обчелся. А как этот дуб - во всем лесничестве не сыщешь. Любота на него глядеть.

Иван Дмитриевич погладил шершавый ствол и, покачав головой каким-то невысказанным мыслям, спросил:

— Ты мне скажи, Ляксандр Иваныч, вот ты шибко грамотный, обучен всяким наукам. Как это получается. Передали лес нашему колхозу. Его бы беречь. Каждое дерево на счету. Растет оно долго. Ведь не трава. Так на вот тебе... Около калды начисто вырубали. Там теперь и путной травы нет. Пустырь. На моей памяти там рос такой же лес, как вот тут, пожалуй, постарше, поспелее, чем у восьми тополей.

Он переложил косу с правого плеча на левое.

- Вот еще пример, - он подошел к самому берегу реки и остановился около недавно срезанной ивы. Бережно повесил косу на сучок черемухи и снова полез в карман за кisetом.

- Ты больно часто куришь, Иван Дмитриевич. Он отмахнулся.

- В окопах привык. - Он сделал паузу. - Ты видишь, что тут сделано? - старик стукнул кулаком по ободранному стволу ивы.

— Корье драли. Кожи им дубят.

— Ты драл корье? Что, бывало, кожи были хуже теперешних?

Всегда добродушный, сдержанный и ласковый, старый мордвин начал кричать и, размахивая кулаками, наступал на меня, как будто лез в драку.

— Чего ты кричишь! Я понимаю...

— Понимаешь?! Не кричать надо, бить в набат надо! Ты грамотный... почему не пишешь... пиши, требуй!

Мне вспомнилось далекое детство. Самая большая забота летом— достать две копейки на английский крючок. Мы, ребята, были убеждены, что только на черный с зеленоватым отливом крючок можно поймать крупную рыбу. Язи, больше окуни, крупная плотва водятся в омуте среди старых свай, где стоит ловить только на английские крючки. Мы искренне верили, что именно там живут настоящие «водяные». Нырнешь — утонешь за милую душу. И здесь никто не купался, не нырял.

Короче, на лето крючков нужно было не менее десятка. А купить их у нас можно было лишь на «Троицкую» ярмарку у приезжих торговцев. Копейки к этому дню копились целый год. Заработки у ребят нашей деревни были только одни — драть корье. На заводе корье приказчик принимал только с определенной ивы.

Иван Дмитриевич прервал мои воспоминания.

— За порубку леса по берегам рек царь Петр смертью казнил. Точно. Мой дед еще помнил. Да и в книжках написано. А у нас леснику план на корье дали, так и руби, где хочешь. И рубят.

Иван Дмитриевич глубоко затаился. Сизые колечки дыма путались в усах и бороде. Дрожащий палец выстукивал по стволу раздетой и умирающей ивы срочную депешу ко всем друзьям леса, реки, природы.

- Таких ив у нас больше нет. Рубить теперь нечего. А как завтра будем план выполнять? В другую область поедем или что... Я спрашивал в лесничестве. Там не знают. Кто знает? Почему строго не спрашивают с тех, кто реки не бережет? На сто метров от берега должна быть неприкосновенная лесная полоса, Почему лесник, лесхоз ставят себя выше Закона?.. Однако, пойду косить.

Иван Дмитриевич спустился под берег и на крошечных террасках стал выкашивать траву. Я пошел на нашу базу к своим ребятам.

Над Сурой с резким криком пронеслась пара красноногих и красноклювых куликов-сорок. На ульяновском берегу по бело-зеленым холмам между одиноких берез катились серые клубки большого овечьего стада. Под правым берегом копошились ребятишки, с криком восторга вынимая из корзины пескариков и окуньков.

Мои питомцы измеряли и взвешивали рыб — результат целого дня напряженной работы.

У каждого курса студентов-биологов память об экспедициях по Суре или Мокше становится незабываемой на всю жизнь.

Дежурный разжигает костер. Парень и девушка спускаются к реке и на лодке поднимаются вверх, направляясь к противоположному берегу. Мы пьем воду только из Серебряного ручья, вытекающего из горы ниже деревни Чеглы. Вода ледяная. Мы пьем ее в жару, не боясь простудиться. Еще не было случая, чтобы у кого-нибудь заболело горло. А вот в верховьях Суры, по дороге в село Русский Качим, я знаю родник с кристально чистой водой и столь же холодной, несколько глотков которой в жаркий день ведут к исчезновению голоса. Кто объяснит разницу в действии? Вот только беда - за последние пять лет Серебряный ручей стал давать вдвое меньше воды.

Становится темно. Птицы перестают петь и лишь изредка перекликаются им одним понятными сигналами. В темноту постепенно уплывают белесые стволы тополей и осин. От реки начинает тянуть холодом. Надоедливые комары спрятались в траву. Девушки вытягивают из палаток одеяла и, закутавшись с головой, мрачными монахинями застывают у костра в ожидании ужина.

Из непроницаемой стены леса неслышно выплывает фигура «лешего». Это Иван Дмитриевич. Он еще должен пойти за два километра ночевать к леснику, а завтра чуть свет будет опять у нас.

- Дедушка, садитесь с нами. Сейчас будем ужинать, - зовут ребята.
- Пойду, однако. Поздно.
- Без ужина не пустим. И ночуешь у нас. Места в палатке хватит.
- Ну спасибо. Пойду, однако, умоюсь.

Иван Дмитриевич спускается к реке. Слышно, как плещется волна. Где-то бьет жерех. Над затуманенной рекой слышится смех. Это наши возвращаются с водой. Гремит цепь. Звенит девичий смех. За высоким увалом скрылось последнее розовое облачко. Над рекой всплыли белые паруса тумана.

После ужина все собираются к костру. На кучу хвороста садится Иван Дмитриевич.

- Расскажите, дед, про старину, - просят ребята.
- Что я знаю? Вы ученые, вас слушать интересно. Я что - темный мордвин.
- Про сомов, - раздается сзади.
- Нет, сомов я не люблю. Жирные усатые кулаки. Жадные и глупые. Им все равно, что хватить, - лягушку, утенка - пожалуйста, а может и старый башмак проглотить. Не люблю я сомов. Вот язь рыба - олень. Золотой, а по весне зеленью пахнет. Бывало, отец

запрягает лошадь и говорит: «Бери, Ивашка, сенные кузова, за рыбой поедем». Это в великий пост, когда рыбе в озерах духу не хватает. Вырубят на Круглом или на Черном озере прорубь и черпают. Воз насыплешь — и домой. Всех соседей наделишь. Куда ее — испортится. А в половодье... Таких сетей, как у вас, раньше не было. Между делом зимой свяжешь аршин пять. И то у меня Матрена — добрая баба. А другая ниток ни за что не даст. Холсты ткали. Раньше и штаны, и юбки, и онучи — все из холста. Рыба была вроде баловства.

Внизу по Суре артели работали. У тех невода. И то берегли сеть. Заведут раза два, вытащат пудов двадцать и к купцу - прими, Христа ради. Рыбы не в пример было много.

- Выдумываешь, дед. Чтобы в этих озерах рыбы столько было. Не поверю,— говорит один из студентов.

Иван Дмитриевич с досады машет рукой.

- Ты мне за вранье рубль дашь? Зачем обманывать. Озера шибко глубокие были.— И обиженно замолкает.

Сердито щелкает сырой сучок и далеко выстреливает огненным снарядом. Голубеет седая зола. Кто-то подбрасывает в костер дрова. Дед свертывает новую сигарку, старательно склеивая газетную бумагу. Но руки трясутся, и табак высыпается на землю.

Ребята предлагают:

- Дед, мы тебе хорошую трубку купим.

- Спасибо! Вот ты говоришь — дед врет! Ээ...х. голова! Здесь такая дубрава росла по всей пойме. Один купец взялся рубить - все пилы переломал. Много лесу зря испортил. Я еще мальчишкой был. С того времени и рыбы стало мало.

Здесь медведи ходили. Волков было столько, что страшно было скотину выгонять. В сенокос мужики лошадей стерегли. На лужайках весной тетерева играли станками. Уток было не перечесть. Почитай, на всю округу только у урядника да у поповых детей в Березниках ружья были. Здесь журавли гнездились. А за речкой Чеберчинкой — гуси да лебеди. Это мой отец говорил. В Суре не только стерлядь, белую рыбу и осетра ловили. Да была такая, как змея будто, семидыркой звали, от самого Каспийского моря в Суру на икромет ходила, Говорят - два года шла. Вот вы в Суру градуснику суете, там всякие штучки. А ведь Сура...

Иван Дмитриевич в волнении замолчал. Сделал длинную паузу и, вздохнув, закончил:

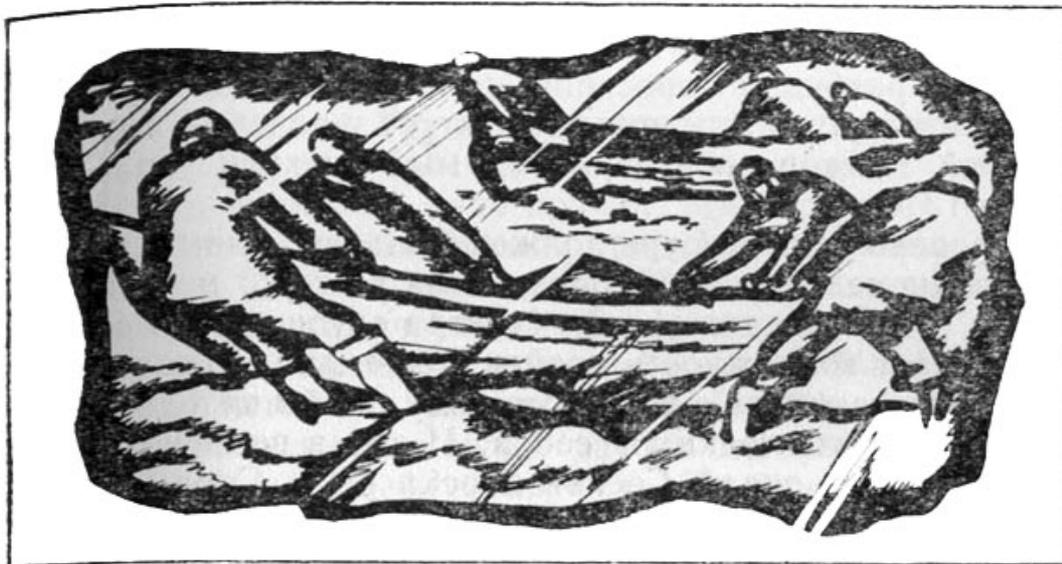
- Она сладкая, наша рыба. Слаще ее по всей России не было. Я служил на Амуре. Хороша там рыба, слов нет, крупная, жирная, а с нашей не сравнишь. Был на Днестре. Ничего не скажешь... Ловили мы осетра. Вкусен. Только наша стерлядь лучше. Я не говорю - сейчас. Я говорю — раньше, когда керосином воду не портили. Цари и то себе рыбу с Суры заказывали. Однако пора спать. По росе косить надо.

Иван Дмитриевич с трудом разогнул поясницу и поднялся. Долго смотел на небо, будто считал звезды.

- Пойдем, Ляксандр Иваныч. Им, молодым, спать грех, а нам, старикам, сон — дорогое лекарство. Даром дается - пить надо.

Созвездие Стрельцов натянуло свой лук. Бледный крючок луны едва серебрил верхушки тополей. В испуге крикнула варакушка. Подбирая остатки ужина в траве, зашуршали лесные сони, мирно живущие рядом с полевками. Малая летучая мышь начала выделывать в воздухе акробатические номера. Наступила короткая июльская ночь.

3. От Сурской шишки до Волги

Любезная Анна Алексеевна — мать одной из наших студенток — предоставила в наше распоряжение не только свой дом. Милая хозяйка сварила два десятка яиц и большой чугунок картошки. Принесла из погреба огурцов и помидоров. Анна Алексеевна была добрейшей, отзывчивой женщиной, которые нередки в нашей стране.

Машина должна была прибыть раньше нас, и ее задержка беспокоила. Я выскакивал на улицу каждый раз, как на углу слышался рев машины, буксующей на разбитой после дождя дороге. Наконец фары осветили окна дома - наши прибыли.

Начиная очередное путешествие в природу, особенно если это ответственная экспедиционная поездка, чувствуешь особый подъем сил и забываешь про свои годы. Когда после сытного ужина на полу горницы разлеглись десять моих благоденствующих спутников, забрав у хозяев всю одежду, я вышел на улицу, облачился в свой выдавший виды полушубок и улегся на рюкзаках среди ящиков и моторов. На душе было спокойно. Привычно мерцали звезды. Воздух был напоен ароматом сосен, окруживших рабочий поселок.

Меня разбудил морозящий дождь. Дождливое утро - счастливое утро! Эта примета бытует у полевых исследователей. Наскоро позавтракав, мы выехали на Суру. Было 13 мая.

Уровень воды в Суре должен быть весенним, но увы! Напротив села Индерки река имела всего 20 метров ширины, и только ложе в 3—4 метра глубиной до одного метра дает возможность пройти лодке, да и то заставляя ребят выскакивать в холодную воду, чтобы пятьдесят - сто метров тянуть лодки за собой. И это в весеннее половодье! Летом около Сосновоборска река Сура уже непроходима даже для долбленок. А ведь истоки реки находятся не ближе 50 километров.

В справочнике «Природа Пензенской области» (издан в 1955 году) написано: «Сура берет начало в Средне-Волжской возвышенности» (село Сурские Вершины Ульяновской области). В этой работе указано, что Сура имеет длину 964 километра, тогда как в большинстве официальных источников дается другая цифра, а именно 864 километра. Очевидно, здесь простая опечатка. Но официальные данные 1971 года указывают на длину реки, равную 841 километру, что и следует принимать во внимание. Кстати, в 1973 году мы установили, что она еще короче.

Достался нам первый переход! Дождь, холодный ветер. После городских квартир, домашнего тепла на реке показалось очень неуютно. У девушек сразу появился насморк и явное почтение к чужим телогрейкам. Свои модные куртки не греют.

Всю дорогу до устья реки Тешнярки, которая протекает по Сосновоборску, нас сопровождала блестящая полоса нефти. Она то расширялась, занимая всю поверхность воды достаточно толстым слоем, то сходила к одному берегу и скользила по реке разноцветными ручьями. Это город Кузнецк спускает по реке нефтяные смывы своих баз.

Нефть - кровь Земли! Неисчислимо полезное применение этого минерала. Трудно представить жизнь на нашей ранете без нефти. Сбросы даже отработанной нефти нежелательны по целому ряду причин, тем более, что нефть принадлежит к исчерпаемым природным ресурсам.

Ежегодно нефти добывается 1600 миллионов тонн. Она питает всю химическую промышленность. В мире ежегодно производится 25 миллионов автомобилей, почти такое же количество тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, работа которых основана на использовании нефтепродуктов. Не трудно понять, какое это имеет значение для человека.

В проливе Ла-Манш, на берегах Франции и Англии значительная часть пляжей залита нефтью, обезображена и обезлюдена. Сотни тысяч птиц погибли, искупавшись в потоках нефти. Нефть прекращает доступ кислорода в воду, чем вызывает гибель мелких организмов и рыб.

Нефть нужно беречь. Она сейчас дешева. Техника позволяет добывать ее в грандиозных количествах. Специалисты ряда стран считают, что мировые запасы нефти и газа будут израсходованы до начала следующего тысячелетия, а каменного угля хватит лишь на 150—200 лет. Мы часто попусту, неэкономно тратим это драгоценное сырье.

Жаль, что мы начали работу несколько ниже истоков Суры. Но с оборудованием к верховьям реки не добратся. В 1973 году сотрудники нашей экспедиции обследовали их и установили, что река в настоящее время начинается от родников «Филиппова ключа» и болот около ручьев Кармалы и Казачки, рядом с селом Явленка, что ниже старого истока примерно на 20 километров. С большим трудом мы протащили лодки, нагруженные оборудованием и личными вещами, до устья реки Тешнярки. Зашли в речку и раскинули палатки на берегу небольшого омутка.

В первые дни экспедиционных работ еще не все сотрудники знают свои обязанности, исключая, понятно, научных работников. А ведь здесь, в поле, весь быт ложится на собственные плечи. Нужно готовить пищу, поддерживать костер, достать для него дров, дежурить ночью. С первой остановки происходит знакомство с этими не очень приятными и иной раз тяжелыми обязанностями.

Володя охотно начал готовить костер, помня главную заповедь - разжечь его с одной спички. Даже в сухую погоду это не просто - нужно знать небольшие секреты. Тринадцатого мая - в первый день нашей работы дул холодный ветер с северо-запада. Словно по графику через каждые полчаса начинал нудно моросить дождь.

Спички ломались, не зажигались или гасли. Володя подсовывал под мелкие наломанные палочки обрывки газет - все напрасно. Потом не выдержал, шагнул к канистре с бензином, искоса посмотрел на меня - употребление бензина для этих целей у нас было категорически запрещено. Пламя вспыхнуло. Взяв чистые ведра, Володя подошел к реке, остановился и позвал меня.

- Смотрите, вода зеленая. Пить ее нельзя. Действительно, вода была густо-зеленого цвета, и в ней плавали какие-то хлопья, как будто обрывки старых тряпок.

- Воду здесь брать нельзя. Придется сходить на Суру и взять где-то повыше Тешнярки.

- Но там нефть, - возразил студент.

- Черт побери!.. Как же быть? Нужно поискать в пойме. В ней должны быть чистые озера и старицы.

Огромный луг расстился перед нами. Пойму реки, как крепостные ворота, охватили горы. Река проточила сквозь них огромный коридор. И казалось неестественным, что где-то в стороне родились истоки Суры. Логичнее думать, что в геологически недавнем прошлом эта глубокая и широкая долина была руслом мощной водной магистрали, которая несла свои воды в близлежащее Хазарское море. Мы убеждены, что, может быть, Ветлуга или иной левобережный современный приток Волги был верховьем Суры, и она текла на юг параллельно Оке. Впрочем, наше предположение допускает и второй вариант - река в разные периоды, связанные с достаточно длительными ледниковыми, меняла свое направление: текла то с севера на юг, то с юга на север. Каждому из них есть свои доводы. Можно предполагать, что Сура изменила в последний раз направление своего течения после того, как Волга пропилила под Казанью горы Услона и увлекла «постаревшую и обмелевшую» к тому времени Суру.

Ребята подходили к Тешнярке, пробовали на вкус ее зеленую воду, и хоть особым вкусом и запахом она не обладала, все решили, что пить ее не стоит. В туманной дымке дождя как-то сразу образовались разрывы. Капюшоны наших плащей начали подсыхать. У подножия левобережных гор обозначились кустарники, по форме напоминающие круг, обычно означающий приозерные заросли. Совсем рядом с нами было обнаружено маленькое озерко с совершенно прозрачной и чистой водой.

Смешно и грустно. Живешь и работаешь на воде и не в загадочной и дикой стране, а в центре культурной России, и вдруг появляется такое.

Небольшое отступление о роли воды в жизни человека.

Доля воды в теле человека составляет почти 70 процентов. Без воды человек может прожить не более трех суток. Страшнее недостатка воды только недостаток кислорода. Одним словом, вода такое природное тело, которое нужно беречь не только строгостью закона, но и сознанием.

В старину все водоисточники считались священными; наши далекие предки населяли их божествами, чтобы люди относились к воде — источнику жизни — с почтением. А мы - люди двадцатого века, люди высокой культуры не только не бережем воду, а часто во имя временных выгод немислимо загрязняем, отравляем ее. Но по порядку о главном, что нужно знать о воде всем. Вода - минерал. Запасы воды в различных частях Земли (по М. Н. Львовичу, 1969 год) составляют: Мировой океан 1370323 тысячи кубических километров, все подземные воды 60 000, в том числе зоны активного водообмена 4 000, ледники 24 000, озера 230, почвенная влага 75, пары атмосферы 14, речные воды 1,2. Практически человечество пользуется водой только зоны активного водообмена - озерами и реками.

Советский Союз очень богат пресной водой. У нас имеется более 150 000 рек, озер и водохранилищ с площадью более 10 гектаров - 350 000. Сток Волги, например, составляет 250 кубических километров.

Какова потребность в воде в нашей стране в ближайшие годы? Член-корреспондент Академии наук СССР профессор Н. В. Разин, докладывая на совещании председателей научно-технических советов Всероссийского общества охраны природы в Ленинграде в январе 1972 года о комплексном использовании водных ресурсов, указал, что сейчас сельское хозяйство страны забирает чистой пресной воды для орошения более 120 кубических километров, а возвращает не более 30. В ближайшие годы для орошения потребуется только в южной части стран 250 кубических километров. Промышленность потребляет около 300 кубических километров. В ближайшем будущем потребуется около 900 кубических километров.

Потребность в воде исключительно велика. В среднем каждые сутки на одного жителя Москвы расходуетется примерно 500 кубических метров, в селе не более 50, хотя на приготовление пищи используется всего лишь 2,5 - 3 литра.

На изготовление тонны бумаги расходуется 35 тонн воды, а одной тонны азотной кислоты - 300 тонн.

Один Магнитогорский комбинат потребляет воды столько, сколько город с миллионным населением.

Воды уже не хватает. Все увеличивающаяся часть водостока Волги идет на орошение. Три четверти вод Дона используется на эти же цели. Следует учесть и то обстоятельство, что сток Волги по сравнению с периодом до 1950 года уменьшился на 40 - 45 кубических километров; в Суре за последние 90 лет в среднем на 3,5 кубических километра (сейчас 8, а в 1886 году 14).

Все предприятия и, естественно, люди требуют совершенно чистой пресной воды. Значительная часть потребляемой воды теряется, а меньшая сбрасывается в реки и загрязняет их в столь сильной степени, что потребление ее становится опасным для здоровья человека.

На всех совещаниях и в специальной прессе сегодня признается необходимой и одной из первых мер - оплата воды, поступившей на предприятие. Второй мерой должно быть полное запрещение сбросов отработанных вод в реки и озера. К бытовым водам должны быть предъявлены такие же требования. Ведь они сейчас содержат моющие средства, которые представляют большую опасность для здоровья человека и не должны попадать в питьевой бассейн. Первым шагом в этом отношении является Закон СССР— Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Сделанное нами отступление от изложения, вызванное цветом воды реки Тешнярки и нефтяными потоками в верховьях Суры, полагаю, не мешает читателям следовать вместе с нами по этой славной реке.

Когда становится особенно зябко и чувствуешь, как внутри возникает недовольство, добрая миска горячего супа, на второе каша и кружка черного, как деготь, чая возвращают радость существования. Именно в таком состоянии мы оказались через полтора-два часа после остановки на берегу Тешнярки.

К нашему удивлению, спустя некоторое время зеленый цвет воды этой речки изменился на малиново-красный.

- Все просто, - сказал Володя, - в Сосновоборске работает старинная фабрика сукон. Сейчас ассортимент тканей расширился, и цветовая гамма стала больше.

Изменение цвета воды удивило нас меньше, чем появление двух рыболовов, которые расположились выше нас по реке. Один с набором удочек, другой с «пауком». Мы незамедлительно обстреляли их вопросами. Оказалось, что уловы здесь бывают порядочные.

Для проверки сразу же были закинута наши сети. Через некоторое время ребята вытащили первую добычу. Здесь были язь, голавль, щука и, что особенно нас озадачило, серебряный карась—житель озер.

Мы измерили кислотность воды. Она оказалась почти в норме и разнялась 6,8.

Рыбаки нам рассказали, что в 1969 году рыбу в Тешнярке и Суре отравили массированные сбросы вод Кузнецкого кожевенного завода. Но теперь рыба вновь появилась. Правда, преимущественно молодые язики.

Известный зоолог Л. П. Сабанеев в конце прошлой столетия указывал, что «язь принадлежит к самым выносливым рыбам. Весьма странно, что рыба может пребывать довольно продолжительное время в воде, издающей такое зловоние, что не всякий рыболов в состоянии его вынести. Даже нефть, плавающая по нашим рекам в изобилии, вредна только тем, что сильно портит вкус рыбы, которая начинает отзывать керосином».

Последняя фраза замечательного натуралиста требует известной поправки. В районе Нефтяных камней на Каспии сейчас на 50 километров воды мертвы. Виной этому высокая концентрация нефти.

Разговоры с рыбаками несколько повысили настроение в нашей группе. К вечеру холод усилился. Все забились в спальные мешки, и только две девушки, закутавшись в

военные накидки и прижимая к груди транзисторный приемник, обнявшись, слушали музыку Шопена.

Трое суток мучила нас непогода. Наконец, разведрилось. Впереди путь на реку Кададу и Узу - самые крупные притоки, равные по величине самой Суре. Характерно, что они сохраняют направление вдоль большой долины, тогда как самая верхняя часть Суры резко поворачивает на северо-восток и идет коридором леса. Пошли сначала на веслах. Сначала девушки недовольно поглядывали на лежащие тяжелым грузом моторы, затем смирились. Тем более, что практика гребли по необходимости, а не ради удовольствия, скоро выработала великолепный экономичный стиль, который остается на всю жизнь. Река Уза подходит близко к высокому берегу долины. Она быстро несет свои прозрачные воды среди лесов и предгорных холмов. Ощущение красоты этого притока и окружающей природы достаточно выразительно отражено в записях моего дневника, которые я и привожу здесь. «Три часа. Ночь растаяла. Перистые облака превратились в гигантские розовые лепестки. Реку и берег застлала фата тумана. Сквозь ее вязкую белизну просвечивают купы кустов. В слегка колеблющемся море паров земли плавают вершины отдельных сосен. Молчание ночи сменяется звуками раннего утра. В отдалении хрипло заявил о себе филин. Он сыт. Иначе чего же кричать. На длинной косе белопесчаного пляжа возникла фигура лося. Кажется, что он выплыл из тумана. На пригорке сначала показалась голова, затем прояснилось туловище - и на темной глади мелководья бронзовые ноги. Туман и река поменялись местами. Туман кажется водой, вода - потоком сталистой лавы. Лось вошел в реку и, высоко поднимая голову, поплыл. Куда? Зачем? Какие запахи влекут его из гущи леса в такую же непролазь.

Уставший от вечерних концертов соловей, проспавший всего три часа, попробовал голос и, по-видимому, недовольный собой, умолк. Цикнул зяблик. Стряхнув утреннюю росу, по кругу пробежал коростель. Ватный полог тумана разорвался в клочья, и они поплыли вверх, растворяясь и исчезая.

Зашевелился спавший у костра рыбак. Какие силы заставили его проснуться именно сейчас, когда на блеклой струе уже можно различить поплавок? Извечный инстинкт охотника и рыбака? Ведь именно в это время рыба начнет поиски корма. А значит, можно поймать хитрую густеру, старого окуня или баловня язя.

Не осознавая своих действий, рыбак забрасывает удочки и только потом начинает протирать глаза, шарить в сумке в поисках куска хлеба или разминать между пальцами отсыревшую папиросу.

Встает дежурный экспедиционного лагеря. Ох, как трудно в двадцать лет вылезать из теплого спальника во влажную прохладу раннего утра!

Струится река. Играет на затонувших деревьях упругими сучками. Звенит на мели круглыми камешками».

Чем ближе к Пензе, тем больше людей и лишенных прибрежных лесов, часто распаханых до самого берега полей. Лес на берегу чаще всего представлен кучкой молодой ольховой поросли. Не берегут здесь водоохранные леса. Вырубили их, а возобновлять не спешат. А необходимо!

В старинном городе Сурске нас встретила плотина. Перетащились через нее у не менее старинной суконной фабрики. Здесь все изменилось уже на моих глазах. Город, как и все города нашей родины, растет не по дням, а по часам. Река за плотиной мелка и узка. Тут же рядом врывается в нее сток городской канализации.

Перед Пензой Сура становится полноводнее. Длинные пляжи белыми полотнищами чередуются друг с другом, следуя за поворотами реки. Появились десятки моторных лодок. Они с грохотом носятся туда и сюда. Нет, я не 'вижу поэзии в визге и треске моторов на реке. Они загрязняют воду. Весла, парус, красиво плывущее человеческое тело мне ближе, роднее.

В больших населенных пунктах у нас одинаковые задачи: купить хлеб, запастись овощами, получить письма. Но Пенза - город областной, чистенький и... Девушки уже на

последней стоянке извлекли свои «городские» платья. Какими-то особыми средствами их погладили. Не узнать наших красавиц. Правда, в их внешности есть и неизгладимые признаки участников экспедиции. Необычного тона загар, ссадины на ногах и мозоли на руках. И, конечно, облупившиеся носы. Все косметические средства идут в ход, по все напрасно. Носы сияют, будто покрытые лаком нежно-розовые бока яблок.

Однако с каким гордым видом идут девушки по главной улице города! Все на них оглядываются. А они имеют вид по меньшей мере совершивших кругосветное путешествие.

Три часа, отведенные на остановку, пролетают очень быстро, Опять приходится одевать рабочую робу. Ведь нужно перетащить на руках через высокую плотину все имущество и лодки. Взмокшие, уставшие до изнеможения, поздно вечером заканчиваем перевалку и усаживаемся на загруженных лодках. Решаем, что ужинать будем на остановке у леса, а пока необходимо перекусить.

После тяжелой работы аппетит особенно разыгрался. Свежий пензенский хлеб с капустной солянкой исчезает с импровизированного стола молниеносно.

Хочется пить, но к водопроводу идти далеко и лень. В реку из огромной трубы с ревом врывается бурая жидкость и окрашивает воду в грязно-серый цвет. Санитарный инспектор мне рассказывал, что именно отсюда в 1967 году зимой под лед была пущена какая-то гадость, от которой до сих пор не может «встать на ноги» рыбное население Суры.

- Куда денешь столько воды? - ни к кому не обращаясь, сказал Валера, глядя на вылетающие из трубы сбросовые воды.— Вероятно, каждую секунду выбрасывается кубометров пять.

- Ошибается! Больше... Ты позабыл курс «Охраны природы», живо отозвался Володя.

- А ты помнишь?

- Помню... Посчитаем? В Пензе живет не менее 400 тысяч человек. На каждого жителя в сутки приходится будем считать минимум 200 литров. Это составит, - студент на секунду отключился от разговора, - подсчитывая в уме, - 80 000 кубических метров только бытовых вод. В сутках, - он опять задумался, потом взял палочку и произвел на земле несложное вычисление, - 86400 секунд. Промышленность здесь большая. Она потребляет воды и сбрасывает раза в два больше бытовых. Да, ты, наверное, прав. Если через эту трубу выливается 5 кубических метров в секунду, ее вольется в Суру 432 000 кубических метра в сутки, каждый кубический метр сброса загрязняет от 40 до 60 кубических метров чистой воды.

- Но, действительно, куда же ее девать? Сливать в заброшенные шахты, но у нас их нет. Да если бы и были, это опасно, загрязненная вода может проникнуть в подземные водохранилища, и тогда беда - она загрязнит единственный сейчас источник чистой воды - артезианские воды.

- Надо фильтровать, - вмешалась Нина, - нужно химически связывать вредные вещества, делать их безопасными для здоровья человека. Технически это нетрудно. Нужен общий коллектор-фильтратор в виде большого оврага для обработки таких сбросов с помощью водорослей-поглочителей. Здесь уйма работы для биолога.

- Да, такая наука человечеству нужна в первую очередь, - задумчиво сказала Вера, подняв голову и скользя взглядом куда-то выше трубы, к светлым потокам, бьющим сквозь щели огромной плотины.

В 1970 году в ста километрах ниже Пензы началось робкое оживление рыбного населения реки. В 1971 году же появились в значительном количестве такие неприхотливые виды, как язь и сом, а у впадения притоков в большом количестве любитель чистой воды - пескарь.

Очередную остановку сделали в живописном месте ниже станции железной дороги Сура. Обилие рыбаков на берегах реки обещало и нам хороший сбор материала. Даже

абсолютный флегматик - Слава, очень медлительный юноша, разошелся настолько, что начал готовить сети. И тут...

- Олечка, поедем поставим крылену, - позвал Володя. Он у нас главный рыболов, и его просьбы в таких ситуациях - закон. Девушка спустилась с откоса и уселась в лодке на носовой скамейке. Рывок, другой, и лодка ринулась в темноту. Через минуту мотор заглох. Послышались удары топора по вбиваемому колу. Неясная речь. Звуки по реке раздаются отчетливо, но слова нам разобрать трудно. По-видимому, ребята уехали далеко. Через несколько минут разговор стал слышен яснее. Видимо, лодка начала сплывать вниз к лагерю.

Мы знаем, что Володя не может себя заставить грести, даже если нужно переехать на другую сторону реки. Он обязательно заводит мотор. Очевидно, мотор закапризничал.

Рядом с нами, за поворотом, вдруг раздался оглушительный рев. Так бывает, когда мотор заводится при самых больших оборотах. В следующее мгновение падение чего-то тяжелого в воду и испуганный крик Олечки, а через секунду в непонятных бешеных виражах перед нами появилась лодка. Судорожно цепляясь за борта, на дно присела девушка. Лодка кружится перед нами, того гляди врежется в берег или, того хуже, в наши груженные до бортов суда.

Слава вскакивает в одну из легких шлюпок и пытается приблизиться к носящейся, как ракета, неуправляемой моторке. Но ему приходится лишь увертываться. Его хрупкий «Зяблик» в щепки разлетится от удара тяжелой шлюпки.

Перепуганная Олечка нашла в себе силы и, падая через скамейку, подползла к мотору. Дергая за какие-то мало ей знакомые провода и винты, крутя ручку управления, выключила мотор. Лодка ткнулась в осоку маленького заливчика.

Тем временем Слава увидел на воде голову, подъехал к ней и ругнулся. Это была всего лишь шапка Володи. Сам виновник происшествия, булькал тяжелыми сапогами, в распластанной на воде телогрейке плыл в темноте. С трудом втащив на верткую лодку своего товарища, Слава забуксировал моторку и торжественно доставил злополучных рыбаков в лагерь.

Ошеломленные происшествием, на берегу все молчали. Зато потом единогласно оценили героизм Олечки, сумевшей остановить мотор, и находчивость малоподвижного Славы. Что касается Володи—он не очень переживал свое падение в воду. Отличный пловец, он вскоре еще раз повторил падение в воду перед многочисленными зрителями на Большеберезниковской переправе.

На следующей ночевке приехавший к нам сотрудник кафедры Володя-второй с первыми лучами солнца отправился смотреть с вечера поставленную сеть, которая находилась под яром примерно в семидесяти метрах ниже палаток. Выбирая сеть, он аккуратно раскладывал дель на корме. Утренняя свежесть бодрила, но лучи солнца начали уже пригревать, и у горожанина наступило такое состояние блаженства, полноты и радости существования, ради которого рыбаки и охотники неудержимо стремятся на природу. Человек перестает замечать окружающее, полностью сливаясь с ним. Наступило то состояние, которое подобно приятному полету во сне, которое чаще всего испытывается нами в раннем детстве.

Володя-второй потихонечку тянет сеть, и вдруг тяжесть... Охватывает досада: задев!.. Огорчился, потянул сильнее... Сеть пошла. «Значит, поймал большую корягу»,— подумал он. Начал выбирать увереннее. И вдруг около борта лодки показалась огромная усатая, усаженная пиявками черная голова. Юноша выронил сеть. Затем снова схватил ее и истошным голосом закричал: - Топор, скорее топор!..

- Что кричишь? - выскочил из палатки дежурный.

- Топор, скорее топор!..

С топором в руках подбежал Слава. Увидев подтянутую к борту голову, он с размаху всадил топор в сома - рыба ударила хвостом, и оба рыбака оказались на дне лодки. Вода окрасилась кровью. Ребята судорожно ухватились за подборы. Бьющееся в

агонии животное сопротивлялось недолго. Сом весил тридцать килограммов и имел длину 160 сантиметров. У любителей-рыболовов ребята видели сомов от 1,5 до 7 килограммов, их добыча была значительно больше.

Сомы вынесли отравление 1967 года и начали усиленно размножаться, следуя за увеличением численности своей обычной пищи - пескаря. Добытый сом имел от роду 14 лет и явился показателем исключительной живучести этого вида.

Все ближе и ближе к своим родным местам — нашей биологической станции продвигался караван. Вглядываясь в берега, уже узнаем характерные повороты. Тридцать шесть лет тому назад вместе со студентами-биологами Горьковского университета я преодолевал путь на веслах от Пензы до Васильсурска. По моим наблюдениям, за это время река обмелела на 40—60 сантиметров. Проверить это наблюдение удалось только в селе Кадышево, где, по словам заведующего гидропостом, Сура обмелела на 2,5 метра. Это невероятно! Возможно, идет местное перемещение песков, которое сказывается на гидропункте. Что очевидно сейчас, так это то, что обмеление Суры идет все с большей интенсивностью. Очевидно основные причины этого явления две: первая - вырубка лесов в истоках рек и водоохранной зоне; вторая - засушливый период в жизни Земли нашего полушария. По мнению ряда ученых, он продлится еще 300—400 лет.

Мы двигаемся вниз по реке. Короткий отдых на базе «Восемь тополей» и дальше в известное и неизвестное будущее. Опыт нас научил, что одним из основных орудий во время плавания по Суре является... обыкновенная ивовая палка, размеченная полосами по пятьдесят сантиметров общей длиной полтора-два метра. Даже ниже поселка Сурского, где река судоходна, палка-чародейка совершенно необходима. А выше по реке и тем более. Через каждые пять метров палка методически опускается в воду, и мотористу докладывают: «70... 80... 50... 40». Это глубина, Сорок сантиметров предел. Мотор переводится на режим «самый тихий» или выключается. Когда идешь вниз по реке, выключение мотора даже приятно - наступает тишина, перерыв в трескотне, можно разговаривать. Уши отдыхают. Когда вверх - дело хуже. Лодку сносит. Нужно дергать шнур заводки, и хорошо, если все в порядке, если же не удастся завести мотор, лодку несет все ниже и ниже. С трудом завоеванные километры теряются очень быстро. У моториста в этот момент незавидная судьба. Изогнувшись в виде крюка, он что-то крутит, «сосет» бензин и ласково, до поры до времени, «уговаривает» мотор. А лодку все несет и несет. Отвернувшись от мотора, полностью обессилив, механик командует: «К берегу!» У всех вздох облегчения. Можно прогуляться.

Так вот... ивовая палка - инструмент в наших условиях совершенно необходимый и чрезвычайно полезный для науки. Наши явно преуменьшенные подсчеты показали, что в течение одного летнего сезона 1971 года было промерено не менее трехсот километров в среднем течении реки. Мы буквально прощупали все дно реки — оно оказалось сплошь покрытым мелкими плиточками с очень редкими иловатыми и песчаными перекрытиями. Геологи, которым мы предложили определить возраст этих песчаных плиточек, ответили, что они очень древние. Диапазон древности, правда, очень велик - от 300 до 50 миллионов лет. Таким образом, ложе Суры в настоящее время выстлано древнейшими образованиями. Остается решить не менее важный вопрос о том, когда река проложила свое русло. Может быть, она делала это не один раз? Но ответа на этот вопрос мы пока не имеем и, боюсь, долго не будем его иметь.

Сравнительно большая скорость реки в среднем течении (от 0,6 до 2,0 метра в секунду) обуславливает весьма большую мутность. Уклон реки, который в Большеберезниковском районе МАССР равняется 12 сантиметрам на один километр, делает ее в средней полосе Европейской России неповторимой, своеобразной. Диск Секки в летнее время пропадает из глаз уже на глубине 30 сантиметров, а после дождя его можно видеть только на глубине 5 сантиметров. А ведь диск Секки идеально белая тарелка.

Река размывает берега и несет смытые почвы в весьма значительном количестве, обычно 150 - 220 граммов на один кубический метр.

По данным В. И. Горцева (1958 год), средний расход воды в год в Енгальчевском створе равен 97 кубическим метрам в секунду, но 73 процента стока приходится на два весенних месяца, тогда как наименьший летний сток составляет всего лишь 7 процентов годового.

Наши вынужденные и запланированные промеры говорят о многом и прежде всего о том, что Сура - уникальная река для нереста осетровых. Раньше здесь нерестились не только стерлядь, но и осетр и, белуга. Строительство гидростанций на Волге закрыло нашу реку для прохода в нее указанных видов, но не сняло проблему, которую мы предложим читателю в последней главе.

Сура задает нам удивительные загадки. На всем протяжении реки в ее среднем и нижнем течении береговые обрывы содержат черноземы разной толщины. В низовьях они погребены под толщей преимущественно песков на глубине от одного до трех метров. Сложение и состав черноземов показывает, что это бывший поверхностный слой почвы. Значит, в отдаленном прошлом река была более мелкой. Ведь нижняя часть слоя чернозема находится всего лишь в одном метре от современного уреза воды в меженный период (10—25 июля).

Академик П. А. Мензбир в «Очерках истории фауны Европейской части СССР» писал: «Вероятно, не будет большой ошибки отнести начало образования черноземной степи на период, удаленный от нас на 15—10 тысяч лет, то есть на время развития Анцилового моря и средней неолитической эпохи».

Ниже слоев чернозема мы находили в песчаных россыпях белемниты и аммониты. Первые относятся к периодам карбон - триас, возраст 250—300 миллионов лет; вторые - к периодам триас - мел, имеющим возраст 250—100 миллионов лет. Совершенно очевидно, что эти слои, содержащие раковины древнейших моллюсков, прорезаны современной речной долиной Суры в относительно недавнее время. Похороненный чернозем говорит нам, что Сура как речная долина появилась скорее всего в послеледниковый период. Об этом периоде следует сказать, что он для понимания истории современной фауны самый важный и менее всего изученный.

Еще одна загадка возникла при обстоятельствах несколько комичных. На переходе село Порецкое - город Алатырь мы оказались без бензина и хлеба. Ситуация отнюдь не из редких. В Алатыре я поднялся в гору, чтобы получить на почте корреспонденцию. Возвращаясь обратно, встретил своих ребят, нагруженных буханками хлеба и аппетитно закусывающих горячими пирогами с луком и яйцами. Мои любимые.

Молодые помощники наградили меня огромным пирогом и посоветовали прежде всего заняться им. Мол, дело не волк - в лес не убежит. Эта сцена происходила на самом людном перекрестке, рядом с полуразрушенной церковью и заводом. Заполучив пирог, я поискал глазами укромное местечко и обнаружил его на заросшей тропинке в кустах. Это было очень удобное место: самая высокая точка горы и чудесный вид на широченную пойму Суры. Я сначала не любовался пейзажем. Интересы желудка в данный момент были ближе. Однако через минуту мое внимание было привлечено необычным характером рельефа поймы. Поперек ее, что очень ярко вычерчивалось желтой пересохшей травой бугров, шли песчаные дюны, совершенно правильными волнистыми линиями перегораживали многокилометровую пойму семью-восемью рядами. Высота каждого вала на расстоянии мне показалась не менее 6—8 метров, длина не менее двух километров. Что это? Древний речной бар? Обычно бывает так - выносы песка мощной рекой образуют на выходе в море систему таких же волнистых валов, какие я сейчас видел. Эта система речного бара знакома мне на многих примерах наших и сибирских рек. Они могут изменить течение реки и даже запрудить ее. Передо мной сейчас встал вопрос, с какой стороны шел вынос песка. Современная Сура не могла образовать эти валы, потому что Алатырь расположен лишь в среднем течении реки. Их мог образовать речной

сток, идущий с севера. Наконец, валы могут быть продуктом движущегося и остановившегося здесь ледника. В ответ на собственные раздумья приходится сделать невеселый вывод - очень трудно заглянуть в историю жизни реки даже последних 20 - 10 тысяч лет.

Нельзя пожаловаться, что берега Суры однообразны. Многие места изумительно красивы и имеют красочные названия. В Дубенском районе Мордовии есть Красный яр — невысокое обнажение - откос над, рекой, на вершине которого растут сосны. Известно, что в старину слово «красный» означало красивый. Ниже Алатыря есть Княжий яр, что однозначно красному. Здесь высота берегового откоса уже около 40 метров. Наверху сосны. Под селом Барыш опять Красный яр. Когда они образовались эти высокие песчаные дюны? Пропилены они древней или современной рекой? Одни яры располагаются по правому другие по левому берегу. Они поистине красивы, и их история до сих пор остается загадкой.

На реке мы ведем исследования. Наша наука - это прежде всего методичная, настойчивая, заключенная а определенные рамки программы работа. Наш интереснее живое в реке. Для того чтобы сказать, сколько рыбы может в ней вырасти, необходимо знать, какое количество пищи для них производит река. Итак, прежде всего гидробиологические пробы. Сура - река быстрая. В ней живут типичные речные виды. Планктонные организмы не вызывают особого восторга. Их просто мало. Но бентос - донные животные - обильны.

Быстрое течение заставляет личинок насекомых, которые растут в воде, цепляться за любое подходящее укрытие. Сгнивший чурбак, поваленное в реку дерево, ком глины, навозный блин — все это покрыто или пронизано множеством ходов с живущими в них личинками. Личинки ручейников, комаров, поденок разных видов. Всего полно. Для подуста, стерляди, леща, пескаря, ерша - необыкновенное раздолье. Лучшие кормовые условия редко где встретишь.

Сплошь плитняковое покрытие ложа дна создало основные убежища. Между плитками гнездятся разнообразные беспозвоночные. Моллюсков мало. Редко где встретишь беззубку или перловицу.

Вниз по реке течение становится все медленнее. На дне появляются скопления ила. С помощью шестиметровых шестов с совком на конце низовые рыбаки-любители добывают из ила крупных личинок насекомых.

Нам очень хотелось посмотреть на реку Алатырь. Ведь он самый крупный приток Суры. Уже под вечер мы вошли в устье. Здесь рыбаков мало. Чтобы подняться на три километра, нам потребовалось около четырех часов. Выносы, перекаты. Мы тыкались в мели, где вода стоит уровне 10—15 сантиметров. Далее пошли ямы, глубина которых достигает шести метров.

Хорошо помню реку Алатырь. В 1936 году она была очень полноводна и глубока. Теперь река мелка и словно разорвана на ряд омутов. Рыба здесь есть, но ее очень мало.

По реке Барыш мы смогли подняться километров на 25 - 30, что позволило получить об этой речке достаточное представление. В низовьях она лесная, узкая. Ширина ее в пределах 10—15 метров, а выше еще уже. Глубина 2—4 метра, скорость течения 0,8—1,2 метра в секунду. Наше продвижение на ее верховья остановили лесные завалы. Некоторые из них вызваны деятельностью бобров. На берегу лежат строго спланированные в повале, ориентированные вершинами в сторону реки пятнадцатиметровые осины. Облиственные их вершины лежат у самой воды, Поражает, что этот грызун свободно валит деревья диаметром 30—35 сантиметров и больше.

Барыш мутноват. Он несет много почвенных смывов. Это, несомненно, нерестовая река. В ней мы обнаружили сеголетков и годовиков сома, судака, леща. Но не стерлядь. Иловатое дно с узкой ленточкой песка посередине — малоподходящее место для нашей наиболее ценной рыбы. Нерест стерляди возможен только в самом устье реки Барыш.

Последняя остановка напротив села Сары нас огорчила. Все деревья на берегу реки, под которыми мы ставили свои палатки, обезображены. Ряд деревьев спилены, у других отрублены вершины. И это на самом берегу реки в водоохранной зоне.

Ребятишки, переплывшие к нам из села, рассказать что здесь производилась заготовка веточного корма. Уничтожить и обезобразить три десятка крупных деревьев на самом берегу реки - это значит скомпрометировать идею заготовки веточного корма, которая делается совсем не так и на других породах, преимущественно на ивовых кустарниках.

Переход до Волги был труден. Трое суток над головой сумрачное небо. Холодный, резкий ветер. Перестали купаться, а лезть в воду нужно. Берутся пробы. Выручал Валера. Высокий, мощный парень, кажется, не чувствует холода. И то сказать - охотник и рыбак с детства. Закалка совершенная. Ходит Валера в воде час-полтора. Вылезет, закутается в свою крытую брезентом неопределенного землисто-зеленого цвета с пятнами ружейного масла куртку и кричит:

- Отвернитесь, девчонки! - выжмет плавки, сделает! пробежку и опять готов лезть в воду.

Волгу ждали с нетерпением. Из всего состава экспедиции ее раньше видели лишь двое. Наконец погода остепенилась. Тучи посеребрились и поднялись высоко в небо. Подсвеченные розовым солнцем, они будто улыбались нам. И вдруг... Ура! Ура! Широченная гладь умиротворенной реки. Где-то за ней светлая полоса песка.

Оглядываюсь на ребят и серьезно спрашиваю:

- Плыдем на ту сторону или останемся здесь, на левом берегу?! Наши ладьи для Волги слишком хрупки.

- Плыдем! - отвечают хором.

Когда вышли на середину реки, все замолчали. Столь величественная картина открылась взору. Безбрежное, зеркально чистое море воды. На горизонте показался белоснежный пассажирский пароход. Крепостным бастионом высятся васьильсурские горы, по уступам которых разбросаны крохотные старинные домики. Здесь, на Волге, нет резких переходов света и тени, как в южных странах. Здесь все гармонично.

Наши лодочки кажутся на фоне реки слабыми и беспомощными. Поднимись волнение - они исчезнут. А мы все плывем и плывем. Моторы надрываются, а берег еще далеко. Наконец что-то изменилось. По поверхности воды пошли маленькие зыбкие волны. Да ведь это отмель! Колышется вода, умывает и без того чистый песок. Все! Мы перешли Волгу! Ура!!! Поставлены палатки. Отдых.

Утром ветер проснулся вместе с зарей и начал будить уснувшую под легким одеяльцем тумана, утратившую вечерний блеск воду. Нужно немедленно отправляться в путь. Мне, старому волгарю, понятна эта перемена и что за ней следует. Прямо на глазах мелкая рябь перешла в игристую волну. Небо и вода становятся все тревожнее. Нужно скорее переправляться на другой берег.

Сегодня на нашу кормилицу все смотрят другими глазами. Сгрудившись вокруг костра и натянув телогрейки, все с опаской посматривают на все более темнеющее небо и черную воду. Просить поторопиться никого не нужно. Затарахтели моторы. Идем в Васильсурск.

... Девушки просят отпустить их в баню. Нужно еще запастись хлебом и бензином. Как обычно — хлопот полон рот. Все разошлись по делам. Волга разгулялась. Беяки игристыми овечьими стадами бегут на берег, Плещутся, играют со сброшенным с барки детским мячиком, на скакивают на просмоленные борта остроносых лодок. «Ягнятки» превращаются прямо на глазах в больших кудрявых «овец» и «баранов». Гуляй, Волга!

Девушкам пора возвращаться — я дал им всего один час. Однако проходит час, два, три, четыре — их все нет. Мы вертим головы: взгляд на свирепеющую реку, взгляд на дорогу. Наконец паши красавицы появились. Я зол и обеспокоен. Сидеть в Васильсурске нет никакого резона, а плыть в такую погоду на наших ладьях опасно.

Девушки оправдываются. Но Волга, Волга... Сердится уже не на шутку. Рискую... Девушки идут по берегу, а нам нужно пробиться в устье Суры. Всего два километра против течения и против волны. Затонуть перегруженным лодкам очень просто. Но ведь у нас в запасе есть знаменитое «авось»! Сколько раз оно выручало, может быть, и на этот раз не подведет. Но в свое время Суворов сказал: «Счастье — счастьем, а уменье где?» На это тоже есть надежда.

Наши низкобортные озерные «спасатели» как лепешки. Под носом рождается водоворот. Ветер рвет волну и ковшами бросает воду в лицо.

- Смелее! Смелее! Левее... в случае бросай лодку к берегу! - кричу я яростно сражающемуся со стихией Володе. В кильватере вторая лодка старается держаться короткого промежутка, где волна разбита нашей лодкой и заливают меньше. Идти очень трудно и потому, что мы тащим за собой еще по лодке с багажом. Их бросает из стороны в сторону. Рулевые не привыкли к таким шалостям реки, испуганы и напрягают все силы, чтобы удержать лодки в повиновении. Но где там - Волга сильнее!

Дорогу загораживают заякоренные баржи. Приходится уходить мористее, значит, дальше от берега. Одним глазом слежу за прибывающей в лодке водой. Ведро наготове, но прямой опасности еще нет, а бросать управление «флотилией» сейчас нельзя. «Спасатели» трещат, но не поддаются.

- Не трусь! Это ведь Волга... вода в ней пресная, своя. Окунет и вынесет! - кричу я Володе. Но ему не до шуток.

Девушки потом рассказывали, что с берега были видны только наши головы. Все остальное в воде. И было непонятно, что с нами.

- Прибавь ходу! Лишь бы не сдали моторы. Правь к левому берегу Суры, под защиту откоса! — кричу я с оттенком радостного возбуждения.

Мы оторвались от баржей и оказались на чистой воде. Теперь нас от берега отделяет широкая полоса с несколько ослабленным волнением.

Ведро плавает. Спальники в воде. Обводная доска шлюпки наполовину погрузилась в воду. В лодке на двадцать сантиметров воды. Ничего, бывает! Сейчас уже можно откачивать. Сбрасываю с головы капюшон. Брызги как ливень. Все хорошо. Через минуту будет тихо. Мы уже зашли за косу — волна стала меньше. Вот и Сура. Спасибо, Волга, за ласку. Пусть у ребят останется в памяти великая русская река. Нам скажут: «Переждали бы!» — «Чего?» — спросим мы. Семь суток потом лил дождь. Шли вверх по реке. Днем намокали, вечером сушились. Плесневел хлеб, плесневели мы.

Новые заботы: в нашей кассе осталось 15 рублей. Впереди восемь дней работы и, главное, кончается бензин. По крайней мере нужно еще 300 литров. А хлеб, сахар, крупа, соль... Наша молодая сотрудница А. М. посылает мужу срочную телеграмму: «Высылай Ядрино пятьдесят». У меня жена в отпуске, и дома никого нет.

В Шумерли за бензином послали парней и Олечку с Верой. Они у нас самые хорошенькие. Здесь тонкий психологический расчет. Дело в том, за бензином нужно ехать в город, а он отстоит от реки на восемь километров. Туда ходят автобусы. Сегодня воскресенье и рассчитывать на попутный грузовик трудно. Девушкам предложено «очаровать» шофера, чтобы он разрешил провести флягу с бензином в автобусе, что, как известно, категорически запрещено. Девушки столь блестяще справились со своей задачей, что пришлось в спешке поднимать якорь и увозить их от пристани и... шофера.

Уже далеко Волга. В Ядрино получены деньги. В Сурском в последний раз запаслись бензином. Скорее домой, к «Восьми тополям». Осталось только 18 километров. Поздно вечером пришли на последний Красный яр. Первая встреча со своими земляками. Барахлят оба мотора. С трудом удается запустить одну «Москву», а на второй транспорт поставили запасную старушку «Стрелку». Домой! Домой! Устали. Два месяца в пути. Домой!

Идем в ночь. Как обычно, падает туман и застилает реку и берег. Если бы не стук мотора, такой привычный и очень надоевший, наше полусонное состояние и какое-то нематериальное скольжение по молочно-белой реке, рождает впечатление, что мы находимся в некоей неземной туманности.

Трудно понять, чем руководствуются ребята, когда поворачивают руль вправо или влево. Я вглядываюсь и, хоть вообще вижу хорошо, реку понимаю с детства, но не перестаю удивляться. Здесь сотни коряг прячутся под самой поверхностью воды. Сотни выглядывают из воды. Их сейчас не видно, даже нос лодки в тумане, и ни одного задева. Я помню, как здесь при ярком солнце мы ухитрились пробить днище одной из наших шлюпок. Сейчас идем без единого толчка.

С берега доносятся голоса. По нашим расчетам, скоро должна быть вторая калда. И тут новый мотор «Москва» отказал окончательно. С ходу берем на буксир. Трудяга «Стрелка» тянет четыре лодки. Стучит немилосердно, «кашляет», но тянет. Уж близко. Вот дальняя тоня. Справа пионерский лагерь.

С ульяновских гор ветер согнал туман. Плотной пеленой он тянется лишь над рекой. Над флагштоком пионерского лагеря горит лампочка. Мы поравнялись с устьем Черминя. Мы дома, почти у самых дверей. Но не тут-то было. «Стрелка» окончательно выбилась из сил. Жалобно чихнула и смолкла: все тяжело вздохнули. А потом кто-то бросил клич:

- За весла, братцы!

Солнце, заигрывая с шелковыми полотнищами развешенного тут и там тумана, наконец вышло из-за горизонта и взглянуло на небо. Чистое и безоблачное, оно покрылось детским румянцем.

Наши измученные лодки ткнулись в песок у заветного колышка причала «Восьми тополей». Навигация закончилась.

4. Рыбы и браконьеры

По словам жителя поселка Сурское потомственного рыбака Андрея Ивановича Матёрова, последнее свидание с белугой произошло в 1942 году. Инспектор рыбоохраны поселка посоветовал встретиться именно с ним, потому что три поколения Матёровых занимаются только рыбной ловлей. И вот стою я в чистеньком дворике, ворота которого вырезными украшениями смотрят прямо на Суру. Молодая женщина развешивает белье и при моем появлении оборачивается и смотрит вопросительно.

- Вам отца? - спрашивает она. Я киваю головой.
- Сейчас разбужу. Спит. Только поутру вернулся с рыбалки.

Вхожу в горницу. На выскобленном полу - домотканые половики. В красном углу занавешенная икона Николая угодника - покровителя рыбаков и всех ремесленников. Чувствуется старинный уклад жизни, в котором, однако, все большее место занимает новое. В углу стоит этажерка, полная книг, среди которых выделяется собрание сочинений В. И. Ленина.

Из-за перегородки выходит старик лет семидесяти. Приглаживает волосы. Глаза цепко оценивают пришельца. - Садись, коли пришел, - говорит он, подавая скрюченную от постоянной работы веслами руку.— Откудова будешь? Что-то здесь я тебя не встречал. Я представляюсь.

В глазах рыбака появилась лукавинка. С такого взгляда часто начинается знакомство со знатоками природы, которые чувствуют, что за ними больше права судить о том или ином явлении, чем у ученых.

Андрей Иванович все еще стоит посредине избы. На нем синяя рубаха. Одна штанина засучена. Видимо, усталость после бессонной ночи сразу скосила старика и он еще не успел выспаться — был несколько раздражен, не в себе...

Невестка, жена младшего сына, вошедшая следом за мной, пердупредила:

- Разговаривайте громче, отец сильно глухой. - Повернулась и вышла из комнаты.
- Пошто разбудил? Раз ученый, сам должен знать, - с вызовом сказал он.

Краснею, но пускаю в ход лесть, чтобы расшевелить старика и заставить его говорить.

- Ваш род живет здесь больше ста лет! — кричу я.

- Поболе... Мой прадед еще на помещика Астрадамова рыбу ловил. Дед говорил, что его прадед тоже рыбой промышлял. Мы Нижегородскую ярмарку стерлядью снабжали. Мы - Матёровы, тутошние и испокон веков рыбаки исконные.

- Как теперь рыба ловится?

Андрей Иванович с насмешкой посмотрел на меня. Видимо, эта фраза стала настолько стереотипной, что вызывала нечто похожее на презрение.

- Зря спрашиваешь. Сам хорошо знаешь. А ловить ловлю. Вот сегодня сын сто килов сдал. Да разве это рыба! Так, название одно. Отец сказывал, что он ловил на Суре столько рыбы, сколько вам и во сне не привидется. А дед отцу теми же словами говаривал. У нас сейчас не то что рыбы - мелочи нет.

- Кто же виноват, что рыбы мало стало?

- Нашел о чем спрашивать. Виновников сейчас много. Рыбак пошел ненастоящий. Хапуга! Рыбе икру время метать - он нерета ставит. Реку перегораживает. Ну и города пакостят.

- Мне сказывали, что вы когда-то белугу поймали. расскажите, какую?

- Белуга обыкновенная. Весной забрела. Без внутренностей сто кило вытянула. В отцовское время белуги постоянно в Суру шли. При мне редко. Когда я был мальчишкой, осетры наведывались в нашу реку каждый год. Икру метали. Последний раз я поймал в приволоку четырех больших икряников в том же сорок втором году. После этого, по слухам, тоже попадались, но ниже по реке. От Волги до нас. 400 верст. Белуга, осетр шли к нам. Почему, скажи, раз ты ученый.

Честно... не знаю. Предполагаю, но чтобы твердо... нет.

- Я тебе скажу. На Суре их родина! Вот!

Старик с торжеством посмотрел на меня, ожидая, какое впечатление произведут его слова.

- Думал об этом, - нерешительно произнес я.

- Ты мне верь, верь! Рыба - она не дура. Она знает, где ее родина.

- Но доказательства, доказательства?

- Затвердила сорока-якова. На что голова — думать или для шапки?

Конечно, у старика этих доказательств не было, и лучше ему об этом не говорить.

- Андрей Иванович, как дела со стерлядью? Приходилось тебе лично ловить с текучей икрой?

- А как же. Много раз по весне. Однажды я вытащил самку, а на ней присосались три самца. Было это по разлому льда. Рано. У нас стерлядь икру мечет - это точно.

- Хотел я тебя спросить о белой рыбе. Когда ты ее ловил в последний раз?

- Ловил каждый год, пока Волгу не запрудили. Теперь нет, не попадалась.

Разговор о привычном деле растормошил старика. Он рассказывал и был доволен, что его так внимательно слушают. В подтверждение иной раз фантастических сведений он хлопал ребром ладони по столу и начинал кричать. Я слушал, стараясь отделить достоверное, проверенное опытом всей жизни от выдуманного, порожденного любовью к своему делу.

- Марья, Марья! - вдруг закричал он в дверь. - Теперь бы по стаканчику! Может, у нее найдется. Под старость глухой стал, ноги побаливают, поясницу ломит.

Невестка не появлялась. Я счел за лучшее распрощаться со старым рыбаком. Пожав руку с распухшими суставами и с сожалением, что мало узнал из богатейшего опыта старика, вышел на улицу.

На реке горели солнечные блики. Разомлев от жары, на багаже лежали мои спутники. А я был полон раздумий; можно ли верить старику и вообще рыбакам. Как известно, самые невероятные анекдоты рассказывают именно о рыбаках и охотниках. Тем не менее, я согласен с известным американским зоологом Р. Карром, что нужно уметь им верить. Он, в частности, многим обязан простым рыбакам в выяснении вопроса биологии и миграций черепах Карибского моря. Мой личный опыт показывает, что я не помню

случая, когда бы меня обманули эти истинные любители природы. Такого случая не было. Рассказы людей, которые выдают себя за рыбаков и охотников, а не умеют отличить куропатку от селезня, естественно, недостоверны. Я лично полагаю, что в сведениях, полученных от А. И. Матёрова, нет преувеличений. Многочисленные другие источники их подтверждают.

Наши исследования ихтиофауны Суры показывают, что о белуге более поздних сведений, кроме рассказа Андрея Ивановича, нет.

Природные условия реки Суры совершенно своеобразны. Она не похожа на другие притоки Волги. И, что главное, ее плитняковое дно, богатая кислородом вода, значительная скорость течения, богатство бентосными организмами создают исключительно благоприятные условия для нереста самых ценных рыб.

Очень интересны данные, которые мы получили по кислородному режиму зимой 1972 года. В декабре количество кислорода в реке в районе биологической станции Мордовского университета равнялось 10,08 миллиграмма на литр; в самое тяжелое время - в начале марта оно было 4,03. В это же время в заморных озерах составило лишь 0,13—0,16 миллиграмма на литр (озеро Беляевка).

Ясно, что река представляет наиболее благоприятные условия для рыб, самых требовательных к содержанию кислорода. В это время даже проточные озера содержат мало кислорода, например Желтое - всего 1,16, а озеро Длинное, находящееся ближе к источнику речной воды, - 3,8 миллиграмма на литр.

Исключительное разнообразие условий Суры, с которыми связаны рыбы важнейшими биологическими циклами, очень важно для понимания возможностей реки. Даже такое на первый взгляд отрицательное явление, как мутность, оказывается далеко не безразличным, в частности, для стерляди. Высокая мутность воды является полезным фактором в период нереста: песчинки, сносимые течением, очищают отложенную икру от ила, чем способствуют ее быстрому созреванию и предохраняют от гибели.

Миграция крупных осетровых в Суру продолжается и в настоящее время. В июле 1971 года ниже устья р. Барыш, напротив села Засарье, рыбак-любитель из г. Алатыря поднял на закидушку примерно 10 - 12-килограммового осетра или шипа. Он растерялся и не смог вытащить рыбу. Кроме того, она была слишком велика для снасти, которой он ловил. 8 июля мы осматривали орудия лова этого рыбака.

Рыбаки-любители и полупрофессионалы в 1971 и 1972 годах ловили на Суре всех рыб, не задумываясь о том что отлов стерляди запрещен. Это было массовое браконьерство.

Наши наблюдения над ловом и биологией стерляди начались в 1936 году. В одной из прибрежных деревушек, ниже железнодорожной станции Сура, в августе мы провели около недели. Хозяин из соседнего дома ежедневно рыбачил и утром привозил стерляди полный кормовой отсек лодки. Это были рыбы от 15—20 до 50 сантиметров длиной. Их тут же солили, коптили в русской печке и отправляли на продажу к очередному поезду. Ежедневно сосед отлавливал 40—50 штук рыб, преимущественно шашковой снастью.

Наконец, наши исследования последних лет рисуют картину постепенного исчезновения этого вида в основном под влиянием человека. В 1966 году мы отловили в среднем течении реки, преимущественно в Большеберезниковском районе, 60 штук стерляди весом от 250 до 700 граммов в возрасте от 3 до 8 лет. Самцов здесь было вдвое больше, чем самок. В декабре - феврале 1967 - 1968 гг. устье реки Чеберчинки оказалось забитым снулой рыбой, уходящей от массированного токсичного сброса предприятий г. Пензы. Жители прибрежных колхозов, случайно обнаружившие скопление рыбы в притоках Суры, бросились ее отлавливать. Было взято несколько тонн, среди которой оказались различного размера стерляди весом до пяти килограммов. Самки наиболее крупных рыб находились в преднерестовом состоянии брюшная полость их была заполнена икрой.

Ряд специалистов утверждает, что стерлядь не совершает дальних миграций. Если это так, то уничтожение стерляди в Суре в 1967—1968 годах оказалось бы поистине трагическим. Оно лишило бы нашу реку этого ценнейшего вида. По-видимому, в природе все обстоит несколько иначе: при наличии свободных ниш характерные для них организмы занимают их без промедления. Остается неясным, что означают для стерляди «дальние миграции». Сейчас нами строго установлено, что в районы Мордовской АССР стерлядь в 1970—1971 годах пришла с Волги. В 1968—1969 годах ее не было в нашей зоне реки Суры. Таковы результаты опросов и экспериментальных ловов, сделанных нашими экспедициями.

Стерлядь в Суре нерестится. В 1966 году в поселке Сурское мы лично видели у ребяташек стерлядок длиной 10—12 сантиметров, которых они называли «шилльцами». И это 400 километров от Волги! В июле 1968 года мы поймали самку весом 3,1 килограмма с икрой, которая находилась во второй стадии зрелости, и трех рыб по 80 граммов, очевидно спасшихся в одном из притоков от зимней трагедии. Рыбаки д. Чеглы Иссинского района Ульяновской области утверждают, что около их деревни (480 км от Волги) стерлядь раньше всегда нерестилась. В августе 1970 года в Дубенском районе Мордовской АССР было поймано 8 стерлядей весом от 300 до 600 граммов. 16 августа 1971 года на той же тоне нами была поймана стерлядь весом 670 граммов, и у рыбаков ближайшего колхоза мы видели трех рыб этого вида весом от 300 до 700 граммов.

Наши зимние исследования 1971—1972 годов показали печальную картину. С 20 декабря начался скат снулой рыбы, среди которой стерляди уже не было. Как известно, она является индикатором чистоты воды. В марте количество снулой рыбы, попадающей в ловушки местных рыбаков, увеличилось. 5 марта было осмотрено 7 крылен, их рыбаки располагают крыльями вверх по течению, потому что рыба под влиянием токсичных веществ изменяет направление своего плавания и сплывает вниз. 2 сентября и 30 октября 1973 года опять наблюдались массовые сбросы токсичных веществ — язи и мелкая сорная рыба плыли по реке вверх брюхом. Наши данные показывают, что процесс отравления Суры продолжается. И это самое страшное браконьерство.

Из всего сказанного о стерляди следует, что эта рыба древняя, исконная, находящаяся на Суре все необходимое. Можно сказать больше - Сура для стерляди - река исключительных физико-химических свойств воды, создающей рыбе неповторимый вкус и аромат. Сравнивая сурскую стерлядь с волжской, сразу отмечаешь различия. В Суре стерлядь имеет оранжевый жир, тогда как в Волге преимущественно белый.

Из редких и наиболее ценных видов рыб, нерест которых в Суре до недавнего времени был обычным явлением, следует назвать белорыбицу. Этот вид принадлежит к семейству лососевых.

Известно, что белорыбица еще в двадцатые годы была в Суре довольно обычна и на нерест доходила до Пензы. Рыбы весом 4—6 килограммов считались среднего размера. Путь от Каспийского моря, где она откармливалась, до г. Пензы, который также проплывали белуги, осетры, каспийская минога, был весьма долог, и часть рыб проходила его в два приема. Характерно, что Сура привлекала на нерест рыб умеренных и высоких широт. На этом основании можно полагать, что это привлечение отражает два периода в существовании самой реки. Сура в своем развитии, по-видимому, прошла два этапа: соединялась с ледовитоморскими водоемами и более умеренными или даже теплыми, южными бассейнами.

Холодное море широкой протокой вдоль Урала соединяло Каспий с севером. Типичная северянка, белорыбица, нужно думать, имела более короткий путь на нерест, древний путь с севера на юг по иной, чем теперь, реке сохранился только на отрезке от Васильсурска до Узы и Кадады. Плотина у Пензы еще более сократила этот путь. Консерватизм наследственности у белорыбицы действует до сегодняшнего дня - это несомненно.

Ранней весной 1971 года около с. Большие Березники МАССР была поймана белорыбица весом 1,5 килограмма. Несмотря на почти непреодолимое препятствие в виде каскада волжских плотин, белорыбица проделала большой путь, преодолела их и приплыла на свою древнюю родину. Это обстоятельство следует запомнить.

Каспийская минога не может пройти в Суру и скапливается у задерживающей ее волгоградской плотины.

В путешествиях перечисленных рыб лежит разгадка истории реки. Именно эти древнейшие животные точно знают все перипетии, которые она испытала, подчиняясь суровому воздействию сдвигов, поднятий и перемещений суши и моря и изменениям климата, которые, может быть, не были такими, какими мы их себе представляем.

Из области прошлого вернемся на сегодняшнюю реку. В непогожий сумрачный день 10 июля 1971 года возвращались мы на стоянку напротив с. Сары. К нашему удивлению, у берега оказались две легонькие лодочки необычной конструкции, оборудованные мощными моторами. На берегу сидели двое мужчин в одежде, характерной для рыбаков, что у нас не возникло сомнений в их принадлежности к этой славной массовой организации. Один из них в широченных галифе и командирском кителе был похож на отставного военного. Мы познакомились. Товарищ в галифе оказался бывшим директором фабрики гармоной; другой о себе ничего не сказал. Коль скоро стало известно, что мы — научная экспедиция, завязался приятный разговор.

- Если вы занимаетесь наукой, я вам все расскажу. После ухода на пенсию я все время на реке. Посмотрите на меня. Мы с вами одноклассники, однако вы старик, а я еще молод. Теперь меня от рыбалки не оторвешь. Сейчас пообедаем, и я к вашим услугам,— расшаркался перед нами старшин. Его компаньон только посматривал. Видимо он имел достаточно оснований не откровенничать с незнакомыми людьми.

В экспедиции у нас закон: кто оказывается во время обеда с нами рядом — обязательно приглашается к столу. Дежурит сегодня Олечка. Со своей очаровательной улыбкой она подносит новым знакомым две миски, полные ароматного супа, и просит:

- Пожалуйста, кушайте! Рыбаки отказываются. Я замечаю:

- Не стоит ссориться. За обед вы заплатите помощью нашим студентам. Поучите их ловить рыбу. Кое-что расскажите. Делу польза.

Медленно, но отношения налаживаются. Когда старший пожаловался на каприз мотора, Володя прыгнул в его лодку, полчаса повозился, затем продемонстрировал завод мотора с первого рывка, и к нам пришло доверие. Во всяком случае, так нам показалось.

После обеда рыбаки вынули из потайных ящиков коробки размером 20 на 30 сантиметров. Одна половина коробки представляет место, в котором складывается «снасть». Это подпуск, на тонком шнуре которого подвязано сто крючков. Осторожно сматывая снасть, рыбак попеременно надевает на один крючок червя, на следующий личинку поденки или ручейника. Вторая половина ящика наполнена влажным песком с натканными в нем ста ямками. Очередной крючок с наживкой кладется в подготовленную ямку и присыпается сырым песком. Снасть не путается. Наживка остается во влажном песке живой. За два часа работы наши знакомые наживили пять снастей на пятьсот крючков.

В лодках у каждого рыбака лежит по три бамбуковые удочки, снаряженные по нормам и закону союза рыбаков-охотников. Но это для вида. Основной лов — на 500 крючков. Конечно, это настоящее браконьерство. Однако нам нужно с полной достоверностью знать рыболовную активность этого орудия.

На один конец стометровой снасти привязывается чугунная болванка весом около 10 килограммов. Снасть при сбрасывании сама уходит по течению. Болванка сбрасывается в воду без каких-либо обозначений места. Его просто замечают. Рыбак уходит на другое место, часто очень удаленное от снасти. Ранним утром кошкой или багром снасть поднимается.

Володя, способный заставить говорить мертвого, напросился на ночной лов вместе с рыбаками и проследил эффективность снасти. В ночь на 11 июля в вышеуказанном районе на 500 крючков было поймано около 3,5 килограмма частичка и ни одной стерлядки. Наши знакомые посчитали такой улов пустой тратой времени и, смотав снасти, быстро ушли вниз по реке.

Их не устраивал лов, но скорее всего - наше присутствие и настойчивое желание знать все детали технологии современного любительского промысла.

Это было не последнее знакомство; стоит рассказать и еще о двух встречах.

Поздно вечером мы заметили, как с берега двое спустили долбленку. На длинной косе остался один человек. Долбленка заскользила к противоположному берегу. Мы притаились. Через пару минут человек на нашем берегу пошел нам навстречу. Мы подошли и стали знакомиться. Красивый парень с интеллигентным лицом и курчавыми волосами держал через плечо прочный шнур.

- Плавите? - спросил Слава.

- Плавим...

- Какой длины сеть? - спросил Володя.

- У нас две в связке полутораметровки...

- Кончайте лов.

Я представился. Парень явно оробел. При обстоятельствах он не обратил бы внимания на то, нас четверо. Но здесь была явно неприятная ситуация. На лодке прислушались к нашему разговору. Затем раздалась брань.

- Идите проверьте, сколько рыбы в лодке,— говорю я своим.

Ребята быстро плывут к долбленке, и из темноты раздается голос Володи:

- Пять яззей, граммов по четыреста, и один соменок.

Больше ничего. Сеть в зацепе.

Тот, что в лодке, начинает драть сетку, стараясь освободить от зацепа.

Говорю красивому парню:

- Уходите немедленно.

- Мы уйдем...— просто отвечает парень и начинает сматывать шнур с обрывком сети. - Мы уплываем в темноту...

Следующая встреча произошла около колхозного лагеря, раскинувшегося по случаю сенокоса в сотне метров от берега реки. Это время в пойме многолюдно. Ржанье лошадей, лай собак, песни и какие-то особо веселые крики людей. На летних стойбищах-калдах животноводческих ферм другая симфония звуков. Слышен звон подошников, стук погружаемых на машины фляг с молоком, укоризненные крики доярок, успокаивающих коров.

Сенокос - тяжелый труд и веселый праздник. По традиции в это время варится какая-никакая уха. Пусть десяток пескарей или ершей, но уха на сенокосе обязательна. В науке точно известно, что у древнего человека рыба была первой и наиболее доступной едой. Рыбу мог добыть старик и ребенок. Ели живую рыбу. На севере это бытует до сегодняшнего дня. Да и мои ребята иногда пробовали это лакомство - глотали чуть очищенных уклеек и плотвичек. Уха на сенокосе - своеобразный обряд.

Только что подошли к стоянке. У противоположного берега против течения поднимается долбленка. В ней мужчина средних лет в белой «сенокосной» рубашке. «Куда он направляется? - думаю я. Это настоящий рыбак. Первый признак - у долбленки к борту прикреплен ременная петля. Она для весла. Когда спускается сеть, работать приходится одной рукой. Опытный рыбак управляется с веслом виртуозно.

Я медленно иду по косе. Рыбак поднялся метров на триста и быстро сбросил маленькую плавную сеть.

У меня еще в дороге разболелась нога. Видимо, застарелый ревматизм дает себя знать. Я поднял кол и иду, опираясь на него. Рыбак начинает выбирать сеть и бросает ее на дно лодки. Потом поворачивает лодку к берегу, подплывает ко мне и весело говорит:

- Гляди, ущица будет славная! – Он показывает двух только что пойманных и запутавшихся в дели стерлядей.

У нас в уловах стреляли еще не было. Я хочу показать рыб студентам и кричу:

- Ребята, быстрее сюда! - Потом (надо же было сделать такую глупость) говорю рыбаку: -Я инспектор рыбоохраны!

Наш катер. Необычная «флотилия лодок». Рыбак ошарашен и на секунду замолкает. На лице появляется гримаса страха. Затем он вскакивает в долбленку и начинает отталкиваться от берега. Я в свою очередь хватаюсь за сиденье. Он кричит и замахивается веслом. Говорю:

- Остановись, хуже будет.

Происходит сумбурная сцена, в которой мне хотелось исправить свою ошибку, а парня охватил страх. Чтобы не выломать сиденье, я отпускаю долбленку. Ругаю себя нещадно. Ведь это колхозник, который хотел накормить бригаду ущицей во время сенокоса, который светился радостью доставить людям удовольствие. Кроме того, я лишился возможности измерить еще пару стерлядей.

А мои ребята разбивают лагерь, готовят костер, смеются над чем-то, не слыша и не видя положения, котором оказался их руководитель. Вечернее солнце село в воду и песок окрасился в своеобразные розовые тона. После дневной жары особенно приятной стала ночная прохлада.

Наши встречи с браконьерами не ограничились приведенными. В 1971 и 1972 годах их было на Суре предостаточно. Некоторые из них, как, например, последняя, не заслуживает такого названия, но закон есть закон, и исполнение его для всех граждан неукоснительно.

В 1969—1970 годах река была пустынна. Только выше Пензы и близ Волги сидели немногочисленные удильщики. Активный любительский лов начался с возрождения массовых видов рыб, к которым прежде всего следует отнести пескаря. Пескариное стадо в реке Сура и других реках можно сравнить с высокоурожайным хлебным полем, которое кормит всех водных обитателей из более или менее крупных рыб. Вот наши данные: около железнодорожной станции Сура за два захода бреднем было выловлено около 30 килограммов пескарей. Другие виды в этом улове составили не более одной десятой по весу. Такое же соотношение пескаря к промысловым видам мы отмечали на косе Красный яр под с. Стрельниковым и в ряде других мест.

Появление пескаря в массовых количествах в уловах всегда обнадеживающий факт, говорящий о ближайшем восстановлении численности промысловых рыб.

Наука о сообществах учит, что количество пищевых организмов должно быть в десять раз больше, чем их потребителей. Наши исследования на реке Мокше показали, что на площади около 100 квадратных метров при ежедневном отлове от 200 до 500 штук пескарей при среднем весе 12 граммов в июне сколь-нибудь заметного уменьшения численности этих рыб не происходит. А ведь это 150—200 килограммов животного белка - пищевых ресурсов для хищных рыб. На деле пескарь – сорная рыба, но она может быть использована в промысловом рыбоводстве. Совершенно очевидно, что здесь имеет место не воспроизводство вида с площади в 100 квадратных метров, а миграция пескаря в зону обилия пищи. Кстати, участок около д. Андреевки Ковылкинского района МАССР на реке Мокше, о котором идет речь, имеет такое же плитняковое дно, как и ложе реки Суры.

Преобладающим видом по всему течению реки Суры является пескарь. На отдельных участках он может быть назван массовым. Изредка пескарь уступает небольшие участки дна реки ершу, хотя чаще в таких случаях они сожительствуют вместе. Такими местами, например, будут участки выше с. Порецкое и в районе с. Барыш, где в желудках хищников нами были обнаружены оба вида вместе. В низовьях доля пескаря уменьшилась, хотя он присутствует постоянно.

Итак, после почти полной гибели вида в р. Суры зимой 1957—1968 годов вновь наступила эра взрыва размножения. Численность пескаря в 1971 году достигла весьма значительных размеров и имеет тенденцию к увеличению. И это радует.

По нашим исследованиям, основным потребителем пескаря в 1971 году явился сом. Сом занял среди хищников Суры первое место. Если в предыдущие годы (1966) поимка этого вида была редким явлением то в вышеуказанном году практически встречался в каждой тоне. В периодически облавливаемой косе Красный яр Дубенского района за две-три тони добывалось до десятка двухлеток. Старшие возраста сома встречаются значительно реже. Основное поголовье этого хищника родилось после 1967 года. Богатая пищевая база в виде пескариностада обещает в ближайшие годы значительный рост численности сома.

Увлекательная и добычливая охота на сома в настоящее время сменилась на Суру типичным браконьерством, массовая постройка всевозможных ловушек и чаще всего металлических и деревянных крылен изымает большое количество половозрелых сомов. Чрезмерно велик удельный вес многокрючковых закидушек. Слабость егерского надзора, по существу, делает реку беззащитной перед напором массы рыболовов. Особенно наглядно это выглядело во время наших экспедиций, когда круглосуточное течение трех месяцев мы были на реке.

Третьим видом, типичным для сегодняшнего состава рыбного стада Суры, является язь. Так же, как сом, язь находится в состоянии резкого увеличения численности. Изгнанный из реки токсичной волной 1967—1968 годов, язь исчез. В отличие от сома значительное количество его молоди сохранилось в чистых притоках и в глубоких старицах.

Весной 1968 года уже имело место икрометание язя в залитых вешней водой пойменных водоемах. В 1969 году в уловах появились годовики; в 1971 году они стали основой рыбного промысла. Четырехлетки и пятилетки на всем протяжении среднего течения реки попадались весьма редко и единичными экземплярами. Сегодня язя отлавливают в течение всего сезона открытой воды и, как было сказано, в марте 1972 года его ловят в крылены. Основная беда сейчас заключается в том, что во время весеннего половодья многие протоки, ведущие в старицы и низины, залитые водой, куда язь идет на нерест, перекрываются сетями и ловушками. В течение второй половины апреля и в мае язь наносит непоправимый ущерб. Маточное поголовье отлавливается почти целиком. Чаще всего этим занимаются лесники, сторожа приречных домов отдыха и пионерских лагерей. Часть рыбаков выезжает на реку с сетями и удостоверениями общественных инспекторов рыбоохраны. Эта широко распространенная на Суру форма браконьерства требует беспощадной борьбы - защиты язя в период нереста.

В середине сентября мы прощаемся с Сурой и базой «Восемь тополей». На деревьях появилась «седина».

Листья начали изменять свою окраску. Желтые, оранжевые, красные пятна на выцветшей зелени рождали грустные мысли. Пришла осень. Особенно трудно было смотеть на реку. Совершенно неожиданно для нас исчез пляж у «Восьми тополей». Исчез за какой-то месяц. Полоса песка шириной в пять метров и длиной в сто превратилась в канаву глубиной до метра. Берег стал обрывист и подвержен размыву. На реке образовались два песчаных острова, и, как стрелы, от них отошли почти через всю реку перекаты. Такого обмеления в предыдущие годы мы не наблюдали. Снабжение реки водой из подземных кладовых, основного источника в меженный период, стало столь ничтожным, что требует самых срочных мер от современного господина природы—человека. Необходимо немедленное зарегулирование Суры в районе границ МАССР, чтобы предотвратить умирание реки. Что касается рыб, то с горечью приходится сделать единственный вывод: воды стало мало, очень мало. Где же жить рыбам? О каком богатстве рыбы может идти речь, когда ей негде жить? А где еще остались вода и пища, туда приходят трудно или совершенно непереносимые рыбой заводские отработки.

Пора наложить тяжелую руку Закона на все еще процветающее и умело приспособивающееся браконьерство. Современная техника создала возможности к быстрому передвижению на большие расстояния. Этому нужно противопоставить не только быстроходные катера, но и регулярные дежурства членов коллектива любителей и охранителей Природы.

5. Мокшанские перекаты

Время летит с космической скоростью. Словно вчера мы выгружались на разъезде Мокша, а прошло уже более семи лет. У моих бывших студентов не сегодня-завтра пойдут в школу дети. Сами бывшие студенты крепя встали на ноги. Аида Никитична - врач, цитолог, Вадим Иванович, Анатолий Гаврилович, Алексей Тимофеевич - окончили аспирантуру и защитили диссертации. Вот так!

Времени прошло много, и вместе с тем наши первые шаги по исследованию фауны реки Мокши отпечатались на всю жизнь. Да иначе и быть не могло. Приворожила нас река. Но по порядку о реке и рыбах, берегах и леса природе и людях.

На зеленой лужайке, среди кудрявых дубов, раскинулись парусиновые многоместные палатки. Перевернутая вверх дном, лежит рядом новая, но порядочно рассохшаяся спасательная шляпка. Она была пока нашим единственным «флотом». За зиму 1963—1964 года мы накопили порядочно всякого оборудования. Много сделали сами. Но, в общем, были еще очень бедны.

Прежде всего не бездельничать - решили мы. Все за работу! Приказ краткий и по существу: «Приличные костюмы на дно рюкзаков! Надеть рабочую робу!»

Уйма оборудования, личные вещи, еда и прочее - где все это разместить на одной лодке? Нужна, и притом немедленно, вторая. Двоих, самых опытных, отправляем в соседнее село на поиски лодки. Двое дежурных за дровами, группа девушек - с бреднем в воду. Первая проба.

Шепчу про себя заклинания: «Чтобы было все хорошо. Чтобы не осрамиться». Впереди полтора месяца работы по изучению рыбных ресурсов Мокши. Необходимо взять достаточное количество гидробиологических проб. Выяснить кормовую базу рыб. Пройти по реке не менее 300 километров вниз по течению и вернуться обратно. Нужен жёсткий график.

Делаем первый пробный заход бреднем. Задевов нет. Славно! Не успевшие загореть девушки в разноцветных купальниках лезут в воду. На бледной коже ладоней появляются розовые трудовые мозоли. Они пока ими гордятся. Здесь только я и девушки. Парни остались конопатить лодку. Первая тоня. На дне реки много ила. Он

десятипудовым мешком едва вытягивается из воды. Девушки напрягают все силы, Вот уже крылья бредня на берегу. Появляется зев мотни. Плеснула крупная рыба. Торжествующий визг разносится по реке. Чемпионка Мордовии по пятиборью Тома Грунюшкипа с пригорка плашмя бросается на бьющуюся рыбу. Веер брызг окатывает всех с ног до головы. Но никто не протестует.

Вытащили одну щуку и набор мелочи. Большинство воспринимает улов как величайшую удачу. Мне все кажется в совершенно ином свете.

Накануне шел дождь, закончившийся настоящим ливнем. Трава и листья деревьев блестят на солнце. В глубоких чашечках колокольчиков и междуузлиях лопухов еще сияют капельки росы. На душе становится светло и покойно.

Во второй половине дня на противоположном берегу появляется грузовик с горбатой и черной лодкой наверху. Из кабины вылезает улыбающийся преподаватель Петр Александрович, а из кузова выскакивает лаборант Лева.

Ура! Еще лодка! Общий восторг. Чтобы переправить лодку на наш берег, парни вплавь спешат на разгрузку. Я молча наблюдаю за процедурой спуска лодки в воду и недоумеваю по поводу ее конструкции - какая-то она не такая. Наконец, лодка на воде. Когда Гриша подвел ее к берегу, чтобы перевезти всех на нашу сторону, она странно заколыхалась и черпнула бортом воду. Петр Александрович отступил назад и скромно заметил:

- Я пройду по берегу и вернусь через мост.

Остальные осторожно забрались в лодку и, присев на дно, начали переправу. Покупка оказалась столь верткой, что не позволяла делать никаких лишних движений. К тому же она была худа, как решето.

Когда покупку вытащили на берег, я тяжело вздохнул. Она была построена любителем, который не имел представления о том, как это делается. Но положение безвыходное - продажных лодок нет, а плыть нам необходимо. Решили нагрузить ее самыми тяжелыми вещами, а во время плавания на ней будут сидеть самые опытные пловцы. Но прежде всего лодку необходимо отремонтировать и снабдить балансиром. Покупку единогласно решили назвать «Каргой».

Три дня чинили и красили, ловили рыбу и наслаждались водой, солнцем и вкуснейшей речной мокшанской рыбой. Но всему приходит конец. Наступил день отъезда. Навешены «Стрелки». Погружен багаж. «Карга», как кокетливая барышня, вертится, невзирая на то, что на ее днище покоится около 300 килограммов груза.

На моторе сидит Гриша Ярмухамедов, невозмутимый, башкир, только что отслуживший в Советской Армии. Перед ним сидит наша милая Тома Грунюшкина. Впереди Вадим и Лев. Таков экипаж «Карги».

Флагманская шлюпка идет впереди. На моторе мой сын — Володя. Он только что окончил десять классов и перешел в одиннадцатый. В качестве моториста будет работать лето в экспедиции. Девушки разместились в шлюпке.

Дана строгая инструкция, как вести себя в случае аварии. Основное требование— не давать лодке персвернуться, беречь моторы и багаж. Держаться всем за борт. «Карга» не должна отставать, но и не забегать вперед.

Прошли железнодорожный мост. Начались знаменитые у рузаевских рыбаков мокшанские ямы: Мыльная, Окунева, Волкова, Трактор... С обеих сторон реки к основному руслу выдвинуты на 4—10 метров мостки. Мостки—индивидуальная собственность рыбака. В зависимости от вкусов и возможностей хозяина они делаются деревянными или металлическими, даже сварными. Мостки нужны для того, чтобы приблизить рыбака к ямам, в которых концентрируется самая крупная рыба. На мостках хозяин сидит и ловит рыбу, но прежде всего он ее прикармливает, опуская на дно мешочек с кашей или иной приманкой.

Таких мостков на протяжении трех километров в 1967 году было около 40. Число их непрерывно возрастает. Количество рыбаков, которые ловят рыбу в районе

железнодорожного моста на отрезке реки примерно в 10—15 километров, сейчас составляет не менее 500 человек. Рыба здесь есть. Рыбаки никогда не возвращаются домой во время летнего сезона без 3—5 килограммов добычи. Это лучшее место на Мокше для любителей. И все объясняется чрезвычайно просто - здесь строго соблюдаются правила рыбной ловли и активно кормят рыбу. Пример рабочих, любителей-рыболовов достоин подражания.

Река петляет. Мы идем вниз, и горизонты будущего рисуются нам в самых розовых красках. Этому способствует яркое солнце и бодрящий свежий ветерок.

Как-то так случилось, что, отправляясь в поход и занятый улаживанием сотен мелочей (среди моих сотрудников в тот год не было ни одного с опытом полевой экспедиционной работы), я не очень обращал внимание на экипировку спутников. И вот картина - на носу флагманской шлюпки восседает изящная девушка со... спасательным кругом на поясе. Удар грома! Я потерял дар! речи. Заикаясь спрашиваю:

- Вы не умеете плавать?

- Нет, не умею...

Хочется спросить: «Как же вы оказались в составе экспедиции, ведь был дан строгий наказ - не брать не умеющих плавать», - но язык не поворачивается. Говорю возможно внушительнее:

- При первой возможности извольте научиться плавать. Я сам вас буду учить.

- С удовольствием, - отвечает девушка. И столько безмятежного счастья написано на ее нежном лице, что строгие слова испаряются.

Первое препятствие на пути - сельский мост через реку, отнюдь не рассчитанный на проход больших судов, но для наших - достаточно широкий, говорю своему мотористу:

- Снизь скорость, осторожно!

Володя будто не слышит и с мальчишеской удалью проскакивает бурлящий под мостом водоворот. Хочется сделать ему выговор. Командую:

- К берегу!

Оглядываюсь назад. Наши на «Карге» отстали. Успею сходить в ближайший лес и присмотреть лесину для балансира. Ведь наша покупка так на ходу ковыляет, что тревога за ее устойчивость не оставляет ни на минуту.

Наконец из-за поворота показался наш второй транспорт. Тома почему-то встает. Она длинная и, сохраняя равновесие, раскачивается, как мачта на паруснике в штормовую погоду.

Лодка приближается к мосту. Со стороны видно - лодка вошла под настил моста. Уходя от встречной балки, Тамара инстинктивно качнулась. Лодка черпнула правым бортом. Лев резко склонился над водой с противоположной стороны. Через левый борт хлынула вода и мгновенно затопила лодку. Гриша выключил мотор, прыгнул в воду и уцепился за корму, стараясь ее поднять и сберечь мотор. Все оказались в воде. Легкие вещи поплыли. Тамара схватилась за борт и точно по инструкции старается не дать лодке перевернуться. Лев и Вадим прыгнули на сваю моста, обняли ее и повисли друг над другом, боязливо оглядываясь назад. Вид у них прекомичный, но смеяться нет времени и настроения. Я срываю с себя фотоаппарат, одежду и плыву к лодке. Втроем направляем ее к берегу, удерживая уплывающие вещи. Утонул тридцатиметровый моток веревки от невода. Это для нас большая потеря.

Бедные парни все еще висят, обняв сваю, как австралийские коала обнимают гладкие эвкалипты. До берега каких-нибудь десять метров, но испуг сковал их.

На мосту собралась толпа прохожих. Они начинают выволакивать наших ребят на верхний настил. День солнечный, вода теплая, но Тома посинела и дрожит. Нервное потрясение - первый урок экспедиционного похода.

Глубина под мостом два с половиной метра. Веревку жалко. Начинаем нырять и шарить по дну. Где там! Она давно уплыла. Река здесь чистая, вода прозрачная и, если бы не значительная скорость течения, пропажа давно была бы найдена.

Первое крещение водой произошло. Все примирились с потерей. Подумаешь, пропала веревка да чьи-то штаны! На то и экспедиция! Огромный костер высушил вещи.

Наскоро утолили аппетит и с песней двинулись дальше вниз по реке.

Как известно, на Мокше нет крупных городов и промышленных центров. Некоторые опасения вызывают бытовые сбросы, содержащие моющие средства. Для водных организмов они совершенно нежелательны. Не стесняясь и считая это в порядке вещей, кое-что выбрасывается в реку местной мыловаренной и спирто-водочной промышленностью. Очень быстро растёт г. Ковылкино. Темные и пока еще узкие канавы стоков уже вливаются в мирную и такую вальяжную мордовскую красавицу Мокшу.

У Ковылкина была плотина. Теперь от нее ничего не осталось. Но жители города хорошо помнят, что вода тогда стояла вровень с берегами. Разрушение двух плотин—кочелаевской и ковылkinsкой произвело на меня глубокое впечатление. В связи с разрушением ковылkinsкой плотины уровень грунтовых вод в пойме у с. Токмова снизился с 45—50 сантиметров до 180—200. Урожай трав уменьшился в три-четыре раза. Особенно пострадали сеяные травы и прежде всего люцерна. Выше кочелаевской плотины очень обширная пойма оказалась в таком же положении.

В пределах МАССР на реке Мокше в тридцатые годы было девять плотин. Естественно, что плотины разрушали не люди, а весенние половодья. Вина людей в том, что они смотрели на это совершенно равнодушно. Горевали больше старики и рыбаки. Объем воды в системе реки уменьшился более чем вдвое. Вода — арена жизни. Количество рыб по этой причине должно было уменьшиться по меньшей мере в четыре раза. Закрылось огромное количество родников. В меженный период река стала сильно мелеть и постепенно превращаться в систему ям и перекатов. Весеннее половодье стало более коротким и разрушительным. Семьдесят процентов стока раньше сходило вниз за два с лишним месяца, теперь за полтора. Настоящее состояние реки не стабилизировалось.

Процесс обмеления прогрессирует. Все это обрекает реку на гибель. Этому имеются достаточные доказательства. Что же делать?

Раньше плотины в основном существовали для обеспечения достаточного количества воды на весь летний период для работы мельничных и фабричных турбин и колес. Сейчас назначение плотин на малых и средних реках совершенно другое. Современная промышленность и быстро растущие города прежде всего требуют чистой пресной воды в огромных количествах. Только для удовлетворения нужд населения города Саранска требуется не менее 45 тысяч кубических метров воды в сутки, а всему городу около 230 тысяч. Эту цифру следует помнить. Можно с полной уверенностью сказать, что через пять-семь лет эта цифра удвоится.

Двадцатого ноября 1971 года было опубликовано постановление обкома КПСС и Совета Министров МАССР о лугах и пастбищах, в котором предусматривается строительство 101 плотины на малых реках и 98 колхозных и совхозных прудов. Система плотин на реке Мокше позволит резко увеличить количество промысловых рыб. До 1963 года на всем протяжении реки работало до 20 рыболовецких бригад. Сейчас в МАССР практически нет ни одной. Река в условиях полноводности может дать 4—6 тысяч центнеров первосортной рыбы.

Миновали село Троицкое. С трудом прошли сквозь сваи - остатки когда-то бывшей здесь плотины. Благополучно миновали мосты. Наша очередная остановка - Новая Резеповка. На противоположном берегу, несколько ниже деревни, отличная площадка для палаток. Кругом молодой лес. Чудесно! Усталость, ночь, отдых!

В полусне слышу басовитый голос, громяющий стук сапог, деревянный перебор весел и нежный лепет дежурных девушек.

- Чьи сети? Изрублю и сожгу! Браконьеры?! Кто позволил ловить на моем участке? Он отведен мне.

Солнце только что взошло. Река зеркальная. Перед входом в палатку стоит мощный мужчина в рыбацких сапогах-бахилах, брезентовой куртке и зимней шапке-ушанке.

Выхожу и здороваюсь. Самые лучшие отношения в полевой работе с незнакомыми людьми - добродушие и уважительность. Знакомимся. Анатолий Герасимович Захаров — фигура колоритная. По словам знавших его в то время людей — злостный браконьер. Я отнюдь не утверждаю, что это было так. Людская молва бывает не совсем точной, но так мне его позднее рекомендовали. В данную минуту передо мной стоял бригадир промысловой бригады, знаток местного края, опытный рыбак.

- Чего ворует чужую рыбу? - полусмешливо спросил он, подавая корявую «лапу».

- Что вы! Я думаю наоборот - вы воруете! - Удар пришелся кстати. Бригадир опешил, но быстро нашелся и опять пошел в наступление.

- Всем, кроме нашей бригады, здесь ловить запрещено.

- У меня право ловить во все времена года. Я руководитель научной экспедиции. Вот мои документы. Вы обязаны мне помочь. Такое указание инспектора рыбоохраны вы получите.

- Мне уже звонили. Это, значит, вы... - Он скептически оглядел мою, в основном девичью, студенческую бригаду. Усмехнулся. Хмыкнул. Протянул неопределенное: «Да-а...»

- Ладно. Сейчас я иду вниз. К вечеру вернусь, и мы поговорим.

- Я иду с вами.

Но у нас только долбленки.

- У меня лодки свои. Володя, ставь мотор. Лев, Вадим, Ая... быстро, пошли.

Захаров не ожидал такого оборота. Угрюмо кивнув головой, он пошел к своей лодке и, судя по мимике его спутников, отпустил по нашему адресу набор крепких рыбацких слов.

Стараясь не отстать, мы шли сзади захаровской «флотилии». Во чтобы то ни стало нам необходимо было знать тони. Без этого на Мокше делать нечего - сразу оставишь невод, а у нас он был один, и мы берегли его, как зеницу ока. Кроме того, было полезно усвоить местные приемы лова. Позднее, проверив все русло, мы убедились о том, сколь велико значение опыта особенно на первых шагах в незнакомом районе.

Справа и слева идут сплошные кустарники. Захаров движется вперед. Вот крошечный пляжик с бугорком чистого, белого песка. Середину бугорка прорезает узенькая проточка, соединяющая реку со старицей. Остановка. Бригада на подходе выключила моторы. Мы сделали то же самое. Долбленки отцепились от зажатого в середине неводника - большой лодки, на которую набирается невод. В неводнике осталось два человека. Здоровый молодой мужчина с деревянным протезом сел за весла. Второй - старик лет семидесяти - поместился на корме около набранного на борт невода.

Лодка отошла от берега, круто забирая против течения к противоположному берегу. Размотав около сорока метров веревки, старик сбросил прикрепленное к ней крыло невода, который, скользя по борту, легко уходил в воду. Невод постепенно погружался, образуя полукруг или скорее ворота с очень длинной переключиной, идущей вдоль противоположного берега. Почти полностью освободившись от снасти и оставив на нижний заворот не более 15 метров, он повернул круто к нашему берегу и, быстро разматывая веревку, прикрепленную ко второму крылу, пошел на завершение. Так образовалась дуга - орудие лова общей длиной около 120 метров. Бригада уже ждала второй конец веревки, и, чтобы скорее его получить, бригадир зашел в воду. Подхватив брошенный конец, начали очень споро его выбирать, стараясь образовавшимся полукругом окружить возможно большее пространство.

- Здесь яма, - буркнул Захаров,

По поплавкам на верхней подборе было видно, что глубина ямы едва ли превышала шесть метров. Такими оказались почти все ямы на Мокше, наибольшая глубина, зарегистрированная нами, 11 метров. Тщательные промеры русла реки на всем ее протяжении показали, что ямы более характерны для среднего течения. Ниже города Кадома в Рязанской области глубины реки становятся равномернее, перекааты почти исчезают. Тем более, что там для поддержания судоходства все время летом работают земснаряды. В Мордовской республике на протяжении 320 километров ямы составляют характернейшее явление.

Как только веревки оказались выбранными, рыбаки сблизили концы крыльев, и по мере выборки невода они всей массой ложились рядом, что значительно облегчало процедуру последующего набора.

Наконец рыбаки подтянули нижнюю подбору мотни. В ее конце бились широкие лещи весом 1 —1,5 килограмма, несколько голавлей и шук. Улов на одну тоню составил не более 6 килограммов. Это - оплата труда бригады в составе семи человек в течение одного часа. Общий улов за неделю составляет 100 килограммов.

- Сколько продаете на сторону?—спрашиваю я.

- На сторону? - переспросил Захаров. - Вот гляди, мы все мокрые. Ветер дует - мерзнем, ночь в кустах. Для удовольствия пьем по праздникам, а здесь по необходимости. Народ как на подбор. Смотри сам.

Действительно, трудно себе представить рыболовецкую бригаду такого состава. Все инвалиды, кроме одного пария. У самого бригадира одна рука изуродована. Да, такое не часто встретишь.

Захаров повеселел. То ли солнце, вынырнувшее из утреннего тумана, обогрело озябшее тело. Может быть, и мы, не приставая с вопросами и любясь слаженной работой бригады, старались оказать всем полное уважение. Кроме того, мы были «научная экспедиция», и именно ему — Анатолию Захарову — выпала честь показать работу мокшанской рыболовецкой бригады и обучить нас настоящему делу. Так или иначе бригадир был горд и, без всякого поощрения с нашей стороны, рассказывал, шутил, весело смеялся. Одним словом — стал нашим покровителем и другом на тихой, но очень закоряженной Мокше.

Дело прошлое — мы ему благодарны. Он очень облегчил наши первые шаги.

Дальше все пошло как по маслу. На следующих участках реки мы прежде всего старались встретиться с рыболовецкой бригадой и «вытянуть» все, что нас интересовало. А интересовало нас многое.

Лужайка ниже деревни Новая Резеповка стала для нас постоянной базой, которая позволила завязать дружеские связи с местным населением и воспользоваться их советами, а часто и прямой помощью. Это очень хорошее место. Несколько ниже нашей любимой стоянки располагается первая в Мордовии Рыбкинская плотина. Она поддерживает высокий уровень воды. Вблизи ее наш непрофессиональный невод с малым повышением часто полностью уходил в воду, позволяя жерехам и голавлям свободно уходить через верх.

Сравнивая состояние реки при наличии плотины с послеаварийным состоянием, когда Рыбкинскую плотину прорвало и вода ушла, я помню, с какой горечью ходил по дну нашей лучшей тони у моста. Воды здесь почти не осталось. Чистая россыпь песка кое-где темнела лужицами и неглубокими ямками. А ведь именно здесь последний раз мы захватили кормящееся стадо лещей и были счастливы, как может быть счастлив охотник, добывший крупную дичь. Река теперь превратилась в ручей. Глубина с трех с половиной метров упала до 40 сантиметров.

Много дум передумано на зеленой лужайке ниже деревни Новая Резеповка. И как не думать, коль скоро столь прекрасная река и ее окрестности могут превратиться в ничто. Вдали синеют валы Среднерусской возвышенности. Рядом, из зарослей соседнего озера, с наступлением темноты слышатся таинственные шорохи. Черной тенью по непролазной

топи скользит водяная курочка. В иловатом мелководье раздается «чавканье» карасей. Минутой бывает даже жутковато от непонятных звуков, тревожащих первозданную тишину природы.

С другого берега вызывают лодку. Это наши молодцы. Под вечер, о чем-то посоветовавшись, они уехали на крошечное озеро и вот теперь возвращаются. Грязные до неузнаваемости, они, однако, улыбаются. На свет костра выдвигается большое ведро, полное карасей. Среди крупных рыб лежит такое количество мелочи, что наши девушки недовольны. Зачем таких ловили?

Вадим поднимает большой палец - знак особой удачи. - Посчитайте, сколько им лет? Может быть, это какой-нибудь подвид?

Юноша уносит ведро и прячет в кустах. Дважды предупреждает дежурных, чтобы не вздумали изжарить на завтрак. Прежде всего наука.

На правом берегу нас особенно заинтересовало озеро Сурино. В нем мы ловили щук, золотых и, сравнительно редко, серебряных карасей. В наших краях у последних почти нет самцов. Мы их ищем, но неудачно.

Когда мы останавливаемся около деревни Новая Резеповка, мы обязательно обследуем Сурино. После прорыва Рыбкинской плотины в 1967 году вода из него ушла почти полностью. Это прямое доказательство связи реки Мокши с озерами поймы. Нас это не очень обрадовало: мы хотели знать больше о серебряных карасях, а теперь лишились этой возможности. Рыбкинская плотина восстановлена.

31 июля. Жара. Сушь. Наступил день переезда. Очень досадная процедура перетаскивания вещей и лодок через гребень плотины. Она потребовала от нас четыре часа напряженного труда всего коллектива, однако все позади. Впереди продолжение исследований, и они начались буквально с первых шагов. Только на этот раз мы искали не новое в науке о гидробионтах, а дорогу, по которой могли бы спускаться вниз по реке. Мокша ниже плотины оказалась столь мелкой, что на протяжении десяти километров лодки вместе с багажом нам пришлось тащить по песку. Основное русло реки прижалось к одному берегу в виде ручья, отнюдь не похожего на реку выше плотины, Очень долгим показался нам этот путь, пока кое-где выбивающиеся из-под земли родники не дали ей вновь полноводность и силу.

Ближе к Краснослободску Мокша вновь становится похожей на самое себя, но здесь вместо 80 метров ширины, как это было выше Рыбкина, она имеет всего 20 метров. Плотины на Мокше оказывают свое благотворное влияние не меньше как на 30 километров. Принимая во внимание, что падение уровня ложа реки здесь очень малое, примерно 1—3 сантиметра на километр, значение плотины на этой реке совершенно неопределимо. Общий объем воды только в реке, по нашим подсчетам, составляет сейчас всего лишь одну треть прежнего. Потери, связанные с недостатком воды в сельском хозяйстве, на всей площади водосбора трудно исчислимы. Современный прогресс сельского хозяйства Мордовии, осязательно проявившийся после XXIV съезда КПСС, получил бы от зарегулирования реки по местам старых мельничных плотин большие возможности и резервы, которые сейчас полностью не учесть. Не говоря уже о том, что реку следует превратить в каскад рыбоводных прудов с единой системой управления и высокими экономическими показателями.

Только поздно ночью прибыли мы на очередную остановку. Таким местом оказалась полоска тополей и осин выше учхоза Краснослободского сельскохозяйственного техникума.

После целого дня непрерывного физического напряжения основная мечта всех наших сотрудников - съесть горячий ужин. Парни на «Карге» плывут где-то далеко сзади.

Они еще днем остановились для утихомиривания закапризничавшей «Стрелки». Все мужские работы легли на нас с Володей. А ему хочется растянуться на земле и расправить одеревеневшие за день руки. Сухих дров нет. Рублю тальник.

Костер запылал. Девушки нашли в овражке сухие сорняки, застелили их палаткой, и после ужина все, кроме меня, мертвецки заснули. В таких ситуациях дежурит начальник.

В самых первых лучах солнца, которые, как вестники из других миров, пробиваются через облака и будят уснувшую землю, на повороте реки я заметил плывущее черное бревно. Через минуту оно оказалось старенькой рыбацкой плоскодонкой, по-видимому, оторвавшейся у какого-либо причала или небрежно брошенной ребятишками. Ловлю ее и привязываю к нашей спасательной шлюпке. Лора будить дежурных. Не успели мы очистить несколько картошек, как подплыла наша вторая команда. Злые и голодные, они, тем не менее, обрадовались новой лодке. Не долго думая, лодочку назвали «Находкой» и решили отдать хозяину на обратном пути. «Карга» разгружается. «Находка» капитально ремонтируется; к ней вытесываются весла, и путь продолжается уже на трех лодках.

Устье Сивини. Мокша здесь находится под влиянием притока, который способствовал образованию глубокого омута. Устанавливаем палатки на высоком правом берегу. На холме нас обвевает все ветры.

Промеряем дно. Так на всех остановках. Позднее эти данные нам потребуются для расчетов водных возможностей на разных участках. В плесе река имеет глубину не более трех метров. Сивинь здесь мелка и всего лишь четырехметровой лентой впадает в Мокшу. В притоке много молодых рыб. Ночью на омуте непрерывно раздаются всплески мощных рыбьих хвостов.

Светлый вечер неожиданно сменяется хмурым утром. Поднимаемся рано и, проплыв по реке около километра, начинаем спускаться, облавливая каждую заводинку. Небо хмурится все больше и больше. Температура резко упала. Начал накрапывать дождик. Впереди осталась последняя тоня на омуте. Не бросать же работу из-за дождя.

У дежурных давно остыл обед, но и они ждут. Понимают, что бросить нельзя. Омут последний. Стало темнеть, но это к лучшему. В нем очень много рыбы. Все полны ожидания. Вот невод набран, оторвались от берега — пошли, размотана веревка. Выметываем крылья. Сброшена мотня. Быстрее, быстрее... Все шипят друг на друга: «Тише, тише...» Нажимая на весла, лечу к берегу. Ведь я бессменный «заводной». Мне на веслах иной раз так достается, что руки приходится долго массировать. Но приятно побороться с ветром и волной, которые наперегонки толкают нос лодки назад и иной раз поливают тебя не пригоршнями, а целыми ведрами воды. А невод? Если ты неправильно рассчитал длину захода — изволь тяни его один и на веслах. Кажется, трещит спина и весла. Но ты человек и не имеешь права сдаваться.

- Тише, тише, - шепчет Лев. У него от азарта дрожат руки. А лодка ни с места.

- Зацеп! - орут с берега.

- Сам вижу, что зацеп,— ворчу себе под нос и круто разворачиваю лодку по ходу невода. Кормовые выбирают крылья. Невод засел прочно и усилиям одного не поддается. Опять распускаем крылья и в помощь сажаем еще одного. Рыба из невода давно ушла. Нам бы вытянуть невод. Двое здоровых парней дергают за подборы, стараясь вырвать невод. Они с натугой упираются в лодку и почти затапливают корму. Не тут-то было. Как-буд-то сам водяной схватил его своими лапами и держит нам на горе.

Дождь не перестает. Дежурные давно в палатке, а мы вшестером мучаемся. Становится совсем темно. Закутавшись в плащи, на берегу стоят две фигуры. Это девушки «болеют» за нас.

Даю команду:

- Раздевайтесь! Невод надо отцепить во что бы то ни стало. Первым пойдет Володя.

Сын без слов раздевается и с ходу ныряет. Держась за подбору, уходит в темную глубь. Где-то внизу дергает. Даю слабинку и отсчитываю секунды — 19, 20, 22, 25, 30... Сейчас нужно идти вверх. Когда нет тренировки, больше полминуты оставаться под водой нельзя, опасно!

Чувствую, как Володя быстро поднимается вверх. Его подхватывают и втаскивают в лодку. Он тяжело дышит и с трудом произносит:

- Темно, ничего не видно и глубоко, уши больно. - Несколько отдышавшись продолжает: - Там мощная коряга. Я на ней стоял. Невод под корягой. Отдохну и еще нырну, - потом тихо добавляет: - Сразу было страшно, главное, ничего не видно.

Володя ныряет еще четыре раза и погружается все на меньшую глубину. Коряга на восьми метрах. Силы у мальчишки потрачены. На смену идет Лев. Он сильный мужчина, но когда возвращается наверх, я вижу, что там действительно страшно.

Дождь все сильнее. Ребята опустили головы, молча сидят и ждут решения. После минутного раздумья кричу;

- Эй, на берегу! Давайте лодку. - И своим: - Прикрутите к лавкам крылья, отвяжите веревки. Их возьмем с собой. Едем ужинать. Завтра достанем.

Все шумно задвигались. Лев начал шутить. В сером пологе дождя, прочно притянутая крылом невода к коряге мореного дуба, горбатым китом на середине омута застыла наша верная спасительница.

Ужин был вкусен, чай сладок, а раки до того ароматны, что даже Ая, очень недоверчиво относящаяся к малознакомой пище, и та нашла, что они лучше крабов. Когда наши гидробиологи начали брать пробы, утро еще было полно влаги. Шлюпка стояла на месте. Но край неба начал постепенно светлеть, и погода разведрилась.

Гриша хитро посматривал на Володю и Льва. Его ярмухамедовская улыбка ясно говорила: «Эх вы — нырятьщики!» Не откладывая дела в долгий ящик, мы отплыли к неводу.

Гриша разделся, Выпуклая грудь, крепкие руки внушали уверенность. И даже маленький рост не принижал этого всегда уравновешенного, доброго, крепкого парня. Гриша растер кожу. Опустился за борт. Подержался полминуты за лодку, привыкая к температуре воды, почему-то подмигнул мне раскосыми серыми глазами и, набрав в легкие воздуха, перевернулся и пошел вниз, вглубь.

Начинаю считать время. Оно подходит к минуте, а Гриша все что-то дергает там внизу, то требуя ослабить, то натянуть крылья. Минута пять, минута десять секунд. На метр-полтора невод в моих руках удлинился.

Гриша тихо вышел из воды, перекинул ногу через борт и быстро вскочил в лодку.

- Еще разок придется нырнуть, - сказал он спокойно, шлепая себя по ляжкам. - Какой хороший дуб под водой. Из него можно такую статую выточить. Черный, как трубочист. Однако я пошел.

Опять так же спокойно набрал в легкие воздуха и, перевертываясь, смешно лягнул лодку. Крепкое тело мелькнуло в сине-зеленоватой воде и исчезло. Прошло не более двадцати секунд, и наш новенький невод начал свободно всплывать. Гриша вынырнул в стороне от лодки. Все же неприятно запутаться в крепкой дели.

Грише была объявлена благодарность, а мы запомнили злосчастную корягу на дне превосходного омута в устье Сивини.

Опять пошел дождь. Сильные потоки воды заставили срочно окопать ровиками наши палатки. Лежим, развлекаемся рассказами, но все быстро надоедает. Аппетит у моих подопечных отличный. Не глядя на непогоду, пришлось четверых отправлять в Краснослободск за хлебом.

Пытаемся ловить рыбу, но безрезультатно — тоней не знаем. К нашей стоянке подъехала бригада рыбаков из Темникова во главе с бригадиром Алексеем Ивановичем Кудриным. Его команда еще более старая, чем у Захарова. Но ловят, залюбуешься. Так умело, сноровисто, что лучшей школы для моих ребят и не сыскать. Невод у них старенький, но тщательно заштопанный. Они его берегут, потому что приобрести новый трудно, да и рыбы в этом году выловили всего полторы тонны. Надежда только на осень.

Река ниже Сивини не широка, с углублениями по ярам до 4 метров. Нас удивило, что здесь много ерша, которого в других местах почти не встречалось.

Наша продовольственная группа, тяжело нагруженная мешками, появилась только к вечеру. Мы рады. Теперь можно двигаться дальше. «Стрелка» на нашей шлюпке работает нормально, что касается «Карги», то она все время отстаёт и ремонтируется. У села Стародевичье в который раз опять нам пришлось дожидаться своих товарищей.

Это село с его глубокими оврагами и высокой горой мы знали по прошлым поездкам. Но, как и прежде, не переставали любоваться широкой поймой с синим лесом на горизонте. Вместе с нами на нее смотрит и белокаменное здание средней школы, расположенное на верхнем откосе приречной террасы. Вероятно, не один ученик этой школы стал поэтом от изумительного вида на прекрасное Заречье. Я не спрашивал о них, но полагаю, что поэты здесь рождаются ежегодно и в каждом классе.

На мосту со спиннингом стоит парень. Он ловит сомов, и не без удачи. Вчера, перед самым нашим приездом, ему на крючок попал двенадцатикилограммовый усач.

Старые дремучие ивы заселили днище оврагов. Вверх по горе ползут отягощенные плодами сады. Такое приволье свойственно не многим местам, и село Стародевичье одно из наиболее привлекательных.

Вниз по реке плесы часто соседствуют с заросшими осокой затонами. Река начинает убыстрять бег. Через какие-нибудь полчаса мы выходим на широкий простор, и тут, как на картинах передвижников, на правом берегу Мокши возникает село с белой церквушкой на бугре.

Дно реки покрыто острыми камнями. Вода клокочет, лодка болезненно скрипит, шаркая днищем по хаотически насыпанному камнелому. Откуда вылезли, какие силы заставили вспучиться древние каменистые массы у села Акчеево, ответят только геологи. Здесь на месте удовлетворить наше любопытство некому.

Такие места любит стерлядь и, судя по рассказам, иногда приходит с Оки сюда поиграть с веселыми волнами и дикими камнями.

Вечереет, но нужно плыть. Мы никогда не останавливаемся в населенных пунктах. Небо мрачнеет. Еще рано, а уже стало темно. Выходим на узкие плесы. Река здесь имеет ширину всего 25—30 метров, но для нас это настоящая радость — мы нигде не садимся на мель. Давно уже нужно делать остановку, но по берегу голо. Нам нужен костер, а здесь нет леса, нет дров. Начал накрапывать дождь. Вдруг на берегу выросли из темноты фигуры мужчин. Они кричат: - Не порвите сети!

Где-то ниже села Мордовские Пошаты в темноте мы зашли в тупик. Тычемся в разные стороны — везде низкий берег и болота, редкие кусты ивняка и больше ничего. Промучившись более часа и совершенно выбившись из сил, решили сделать остановку. Настелили на болоте кусты. Раскинули палатку и прямо в одежде легли спать. Мне опять дежурить. Я попросил ломоть еще мягкого хлеба, круто посолил и, надвинув на глаза капюшон военной накидки, стал ждать утра.

Долго тянется ненастная ночь. Сладостным кажется сон среди согревавшихся под походным одеялом товарищей, особенно приятен он в мыслях, когда стоишь то на одной, то на другой ноге и боишься слишком сильно двигаться, чтобы из какой-нибудь складки капюшона не вывернулась на и без того озябшее тело струя холодной воды.

Все минует. Серые сплошные облака, до того невидимые, вдруг явственно обозначились над самой головой. Стали видны не темные призраки предметов, а их реальная сущность.

Удивительно, как это нас угораздило заползти в такую ловушку. Мы ухитрились пройти через метровый проход в густо заросший совершенно круглый залив, когда рядом находится достаточно широкая река. Разместили палатки на мокром болоте. А ведь место определяли и во все глаза смотрели тринадцать пар молодых зорких глаз.

Сравнительно короткая на этот раз остановка напротив села Корино, впоследствии ставшая одной из самых излюбленных, имела для нас то значение, что здесь мы познакомились с бригадой Ивана Филипповича Чиркова из Пурдошек.

Уже вечерело. Наши палатки привольно раскинулись на высоком берегу. Послышались перестуки моторов. Появилось пять долбленок, связанных цугом. Короткая остановка, и перед нами разыгрывается своеобразная сцена. Как будто подчиняясь палочке дирижера, на расстоянии километра начинается одновременно в пяти местах сбрасывание сетей, полностью перегораживающих реку. Закончив работу, рыбаки выходят на берег, и начинается знакомство и разговоры о дне сегодняшнем и недалеком прошлом.

Ивану Филипповичу под семьдесят. Даже в 1947 году ему удавалось брать за одну неводную тоню с предварительным нагоном до 500 пудов рыбы. В те времена его бригада свободно выполняла план в 200 центнеров. О совсем старых временах и говорить не приходится. Конечно, нагон давно запрещен. Он сильно подрывает маточное и вообще промысловое поголовье. Но раньше об этом не думали. Через полтора часа после сброса сетей рыбаки встали и заказали нашим дежурным ужин по-рыбацки.

Минут через двадцать сети были выбраны из воды. В каждой из них оказалось по три-четыре рыбы, общим весом 4—5 килограммов. Бригадир говорит, что в августе они берут за сутки 80—100 килограммов. Основная промысловая рыба - лещ. Неводный лов тяжелый и в это время невыгодный.

Девушки получили три четверти ведра рыбы. Через полчаса наваристая уха была готова. Рыбаки выпили по стакану водки, заставили меня и моих ребят «пригубить за дружбу». Пятеро из семи мужиков к рыбе не притронулись - ели только юшку. Сразу после ужина легли спать.

Диск солнца еще не успел выплыть на гладь реки, а их легкие долбленки уже скользили на новый участок. В течение нескольких лет мы поддерживали с пурдошанами связь. В 1967 году бригада распалась. Промысловый лов прекратился.

Остановка напротив с. Корино и рядом с домом отдыха завода доставила нам большое удовольствие. По правому берегу растет лес, обильно усыпанный в августе лисичками; обширные пойменные луга по левому – сплошь шампиньонные. Жареные и вареные грибы явились приятным разнообразием в нашем немудреном и преимущественно рыбном рационе. Лук с солью был уже редким лакомством.

Отличные рыбные ямы и хорошие тони на плесе, довольно крупные шуки в заводях, столь многочисленных на Мокше, делали жизнь на этой остановке приятной и достаточно производительной с точки зрения заполнения экспедиционного журнала. Правда, сильные дожди, непрерывно лившие целую неделю, заставили нас отсиживаться в палатке. Мокрая благодать так надоела, что на третьи сутки мы не выдержали и, не обращая внимания на морозящий туман, отправились на рыбалку по пойменным озерам. В них оказалось достаточно окуней, плотвы и прочей сорной рыбы, чтобы мы могли позабыть «сырые» невзгоды нашего быта.

Нас беспокоили взрывы. То тут, то там взрываются заряды аммонала. Это браконьеры, подъезжая на автомобилях, бросают шашки. За сутки мы насчитали девять взрывов. Неуловимые и иногда недосыгаемые безобразники уничтожают огромное количество молодежи, которая потом устилает прибрежные зоны озер и заливов, доставляя обильную пищу коршунам и лисицам.

Ниже села Корина река вновь катастрофически мелеет. При подходе к селу Пурдошки опять начинается каменный перепад. Острые камни выставили свои ребра среди зеленых осок, играющих в прозрачной, воде, как сказочные волосы русалок. Чуть зазеваешься и сразу слышишь зловещий треск досок днища. Откуда взялись на нашей мирной равнине такие древние выходы материнских пород? Это не валуны, принесенные и обкатанные ледником. В массивных кубах серого камня таится древняя геологическая история. Кому-то еще предстоит честь рассказать о ее интереснейшем течении.

Нам хочется посмотреть село с таким странным названием Пурдошки. Вчетвером входим в сельскую столовую, заказываем обед и бутылку легкого вина. Это награда за дожди и холода, мокрую одежду и сушку ее на собственном теле. Вид у нас, мягко говоря,

весьма подозрительный. Особенно выделяется своей черной курчавой бородой и космами давно не чесанных волос Лев. Разорванная во многих местах телогрейка дополняет экзотическую внешность нашего энергичного лаборанта. Да и остальные участники трапезы не блещут чистотой и отглаженностью обмундирования.

При нашем появлении посетители столовой замолкают. Все взгляды, прямо и исподтишка, направлены в нашу сторону. В столовую входит молодой мужчина, в облике которого виден местный администратор. Он прямо направляется к нашему столу и сухо требует:

- Позвольте ваши документы. Я председатель Пурдошанского сельского Совета.
- Достукались, - смеясь, говорю я своим спутникам, - теперь с вами и показаться нельзя в приличном обществе.

Приходится предъявлять паспорт и командировочное удостоверение. Кроме того, еще взять на поруки своих ребят, у которых не оказалось никаких документов.

- Извините! - говорит председатель, внимательно прочитав мои бумаги и придирчиво рассмотрев фотографию.— Вид у вас, как бы сказать, не внушает доверия. А вы, - обратился он ко Льву, - точно конокрад.

Поблескивая очками, последний комично вращает глазами и делает жест, напоминающий поглаживание украденной лошади.

Настроение после обеда у нас отличное. Кроме того, каждый из нас несет охапку горячего хлеба, полученного по протекции председателя сельсовета прямо из пекарни. Оставленные у лодок ребята ревниво приглядываются к нам, соображая о причине нашего веселья, но быстро успокаиваются, получив по ломтю ароматного хлеба и горсти дешевых конфет.

К вечеру 17 августа мы причалили к великолепному мысу выше плотины бумажной фабрики «Красная Роза». Верхний бьеф не очень обширен. Несколько сбоку от основного русла старый омут. Здесь много рыбы, но перед нашим приездом рыбоводы одного из горьковских рыбоводных хозяйств в поисках дополнительного посадочного материала для прудов очень эффективно его обловили. Предплотинный довольно извилистый участок зарос кувшинками, кубышками и, по словам местных рыбаков, богат линиями. Мы привыкли представлять линия озерной рыбой. Тем более, что вес местных речных линей, нам сказали, достигает четырех килограммов.

Мы потратили уйму сил, протаскивая невод среди толстых корневищ водных растений. Наш труд увенчался успехом. Мы держали в руках золотых рыбин, правда, не четырехкилограммовых, а всего лишь весом 500—600 граммов. Мы наблюдали, как они на наших глазах покрывались толстым слоем слизи, которая затем отваливается, оставляя на теле светло-желтые пятна.

Кондровская плотина — вторая после Рыбкинской в Мордовии. Старые древесные посадки вокруг верхнего бьефа плотины делают его очень живописным. Бумажная фабрика потребляет очень много воды. Современного ее количества уже не хватает. В 1965 году начали строить дамбу, чтобы удержать реку в одном русле, прекратить уход воды в сторону более низких мест у левого берега.

Нижний омут, говорят, достигает здесь тридцати метров. Мы не имели возможности это проверить и сомневаемся, если таковое и было - то в далеком прошлом. Сейчас здесь не более 10. Мы видели напуски лесок у рыбаков.

Наибольший интерес нижний омут Кондровской плотины представляет для нас в том отношении, что это современная граница распространения стерляди. Сторож плотины мне говорил, что в 1964 году он здесь поймал весной двух стерлядей весом 2,4 и 1,5 килограмма.

Общее обмеление реки, превращение ее в систему ям и перекаатов резко сократило период весеннего половодья, сделало его более коротким и островершинным. Хорошее облесение поймы Мокши обеспечивало равномерный сток воды, на значительное время задерживало таяние снегов. После уничтожения леса весенние воды вместо трех месяцев

стали стекать в течение двух, что резко сократило кормовые и нерестовые миграции стерляди из Оки в район каменных россыпей Пурдошек, Акчеева и других мест. Цепь явлений в природе непрерывна. Выпадение одного звена по воле человека или самой природы влечет за собой нарушение всего цикла. Здесь в который раз мы убеждаемся в необходимости ответственности человека за богатства и благополучие природы. Лес по берегам рек, их полноводность, рыбные богатства — все связано с деятельностью человека. Наш народ издревле и мудро строил плотины, удерживающие необходимое количество воды.

За Кондровской плотиной река Мокша — ручей. Всего каких-нибудь десять метров ширины. Глубиной в ямах до одного метра, неузнаваемая и непохожая на ту, что была выше Рыбкинской плотины. Картина в том и другом случае похожая.

Благодаря притоку подземных вод, выбивающихся в ложе реки, она скоро начинает набирать силу и перед Темниковом разливается двухсотметровым мелководьем.

В облике города Темникова сохранилось много от восемнадцатого столетия. Массивные лабазы, приплюснутые и толстостенные, с коваными узорными железными дверями. Легко представить город, окруженный девственными лесами - форпостом крепнущего Русского государства. Восток, откуда мы пришли, - голый, остепненный, а здесь, на западе, кругом леса.

Не задерживаясь в городе, спешим вниз по реке. Коротенькая остановка у Санаксарского монастыря, где находится усыпальница нашего национального героя. Выстроившись в шеренгу, минутой молчания чтим память великого русского флотоводца - Федора Федорову Ушакова.

Леса Мордовского государственного заповедника имени П. Г. Смидовича. Володя несетя, как сумасшедший Я ругаюсь, но ничего не помогает. Руль в его руках. только вздрагиваю, когда днище лодки получает ощутимый удар и мы едва удерживаем равновесие, чтобы не перевернуться.

Быстрое течение реки, заключенное в броню мощных лесных насаждений по берегам, рвется на простор обезлесенной поймы, где можно по-пьяному мотаться из стороны в сторону. Поваленные в русло реки гиганты, выставившие из воды кудлатые комли и срезанные на уровне воды пни, мелькают впереди и по сторонам, заставляя моториста напряженно вытягивать шею, чтобы по слабенькой струйке или характеру водоворота определить подстерегающую опасность. И так на протяжении 25 километров. Затем, как в кино, резкий контраст. Вместо старых осокорей, мощных дубов, кудрявых ясеней с непролазным подлеском из отяжеленных черными гроздьями черемух и рдеющих красных кистей рябины и калины, вдруг оказываешься среди вытоптаных скотом голых берегов с каким-то сухим, ободраным редколесьем.

Появляются большие долбленные лодки. В моем представлении такими были старинные «дубы» на Днепре. Они наполнены стволами, вернее стволиками, десятилетних дубков.

Идет заготовка топлива. Из леса везут траву. Полные свежескошенной зелени лодки необыкновенно живописны. Но скоро красота кончается. Леса исчезают совершенно, и только неистребимые кустики ивы жалостливо плачут над кромкой воды.

Небольшой извилиной у села Суморьева Мокша входит во владения Горьковской области. В селе издавна рыбачат неводами и сетями. Рыбачат и сейчас, не признавая законов или, точнее, делая вид, что таковых не существует. В селе четыре невода и сотня сетей.

Ныне покойный семидесятилетний коммунист Николай Иванович Егорушкин показал нам тони. В 1965 году он поймал двух стерлядей весом 3,5 и 1,5 килограмма. Прежде ловил много и ежегодно. Был случай, когда он поймал стерлядь весом восемь килограммов. Но это было еще до Великой Отечественной войны.

Река у Суморьева чистая, со скоростью течения 0,8— 1 метр в секунду. По всему берегу от Суморьева до границ Мордовии идет добыча драгоценного мореного дуба... на

дрова. Можно понять жителей прибрежных деревень и сел: зима придет - печи нужно топить. Леса кругом давно нет. Древесину по возможности добывают в реке. Мореный дуб - драгоценность, стоимость которой в десятки раз дороже дров. Это материал для экспорта. По, вероятно, теперь уже поздно об этом говорить. Поленицы великолепного мореного дуба уже сожжены. Он еще остался на дне ряда участков реки, но его добыча теперь требует современной техники и добыть его - это еще только четверть дела. Самое главное, добытый мореный дуб сразу же без какого-либо промедления должен разрезаться на чурбаки и затем на доски. Закрытый мокрой мешковиной, высушивается в закрытом помещении при определенной температуре. Капризен мореный дуб. Его соки, замененные минеральными солями, изменяют строение древесины, и для своей обработки требует точного знания специальной технологии.

И все-таки жалко миллионы золотой валюты, с зеленоватым дымом вылетающие из деревянных труб.

Идем вниз. Впереди Теньгушево и разрушенная плотина у села Нароватово. Запасаемся бензином на обратный путь. В пределах МАССР в этом году мы заканчиваем свои маршруты. Далее граница республики.

Для облегчения подъема против течения 25 августа отправляем девушек домой. Осталось пять человек мужчин. Нет продуктов, нет денег, моторы капризничают и нужно спешить - с первого сентября начинаются занятия.

На последней ночевке высыпали из мешка остатки раскрошенного риса и без соли (вся вышла - доставать негде и некогда) сварили кашу. Варили на костре из коровьих лепешек, дров вокруг не оказалось. Завтра надежда только на рыбу. Правда, в Темникове на всякий случай оставили немножко продовольствия. Но до Темникова еще нужно добраться.

Миновали Суморьево. Вошли в леса заповедника. Где-то на середине слили в один мотор остатки горючего и, оставив голодных Лешу, Вадима и Гришу ковыряться в железках и искать причину, почему «Стрелка» не работает, вдвоем с Володей ринулись за продуктами и бензином в Темников. Сегодня должен туда приехать на машине Лев.

Удачно миновали заповедник. Вот уже монастырь. Осталось пять километров до города. И... бензин весь. Время не терпит: в лесу остались голодные ребята. Разматываем чалку и по-бурлацки быстрым шагом идем против течения. Володя удивился: оказывается, тянуть очень легко, и если берег позволяет, то скорость 4—5 километров в час, почти как с нашим слабосильным мотором.

В Темникове нас ждут девчата. Машина еще не пришла. Снимаем лишний багаж. Бросаем в лодку флягу с бензином, две буханки хлеба, неприкосновенный запас консервов и скорее назад. Только бы «Стрелка» не подвела!

Молодчина, Володя! Ни разу не пискнул, хотя много раз было не легко. Мелькают зеленые островки, белоснежные пляжики. Вперед, вперед на полной скорости. Вот уже и граница заповедника. Ребята сутки не ели. Что это? Три головы склонились над мотором. Никто не кричит «ура!». Как будто мы зря спешили.

- Ребята, поешьте... Мы привезли.

- Сейчас, после, - машет рукой Леша.

У него в руках изогнутая жестяночка, вырубленная из крышки консервной банки. Вадим держит в руках проволочку. Гриша - мотор. Жестяночка в виде желобка совместными усилиями привязывается к цоколю мотора.

- Понимаете, винты сносились... совсем сносились. Вода вверх не подается, и мотор не работает. Вот мы и придумали. Привязали жестянку и пошли полным ходом. Только проволока оборвалась. Потеряли лоток и пришлось делать новый. Тебе, Володя, тоже нужно сделать такси.

- Где вы взяли бензин?

Все трое встают и лукаво улыбаются.

- Сидели-сидели, - говорит Гриша, - думали-думали.. Потом Леша пошел в деревню. Там петухи пели, вот мы и узнали, что в лесу есть деревня. Достал хлеба, лука. Воды кругом вдоволь. Пообедали. В деревне же выпросил у одного парня банку бензина. Чего ждать?

Гриша смотрит вопросительно.

На сердце стало так хорошо.

Вечер застал нас на выходе из зоны заповедника. Решаем здесь переночевать. Тем более, что еда есть и мы в этом году последний день на реке, красавице Мокше, несравненной и теперь милой на всю жизнь. Развертываем палатку, ложимся и закрываемся половиной ее полотнища. Пять голов, пять пар глаз смотрят на небо. Думаем. Нежимся.

Утром крик. По пойме с кочки на кочку, покачиваясь, ползет машина. Напрямик через болото к берегу реки мчится Лев. Все. Навигация 1965 года окончена.

... Ранняя весна 1967 года. Сидим на разъезде Мокша. Измеряем температуру воды в реке, только что освободившейся из-под ледового покрова. Еще по высокой воде идем в верховья реки в Пензенскую область. Граница с ней около д. Васильевка. Нас в этом году особенно интересуют старые мельничные плотины. Их расположение, рельеф дна, площади затопления верхними бьефами. Работы много, и она важна для будущего Мокши.

От границы с Пензенской областью до железнодорожного моста у разъезда Мокша только на протяжении 40 километров раньше было четыре плотины у деревень Васильевка, Буда, Самовольевка и Кочелаево. Сейчас ни одной. В Пензенской области Наровчатская плотина была сделана капитально. Сейчас разрушена. Выше по реке плотин нет. На Мокше и ее притоках в Пензенской области было более 120 плотин. Легко представить себе, сколько воды потеряно для наших областей. Уровень грунтовых вод понизился на всей площади водосбора.

Среди некоторой части хозяйственников есть мнение, что плотины лучше не делать, потому что выше их всегда происходит заиливание, ухудшающее химический состав воды. Это мнение не только примитивно, но и вредно.

Да, в межень в верхнем бьефе происходит некоторое заиливание, которое во время весеннего половодья практически ликвидируется. На основе отложений ила развивается более богатая органическая жизнь, ведущая к улучшению кормовой базы для рыб. Отложения ила не уменьшают объема воды, поднятой плотиной, а количество чистой пресной воды всегда было жизненно важной проблемой во всех отношениях.

Весной 1967 года были закончены исследования верховьев Мокши, летом мы простились с Мордовией и вошли в Рязанскую область. Собственно, природа не признает административных границ, и каких-либо существенных перемен здесь не отмечается. Правда, река становится несколько шире, но это уже далеко от границ МАССР, ниже города Кадома - единственного примечательного примокшанского города в Рязанской области.

Пять часов мы шли от Кадома, приглядываясь к реке. Обнаружили устье реки Вад, которая основной своей частью течет по нашей республике. Чрезвычайно обрадовались, когда приблизились к большому массиву леса, расположенного по левому берегу. Он тянется примерно на 25 километров. Если не считать заповедника - это самый крупный лесной участок на реке. К величайшему сожалению, по правому берегу леса нет. В пойме встречаются небольшие островки и все.

Дальше путь лежит по широкой пойме. Деревни и села чаще встречаются или, правильнее сказать, виднеются только на горизонте.

Пойма широка, на глаз она не менее пяти-шести километров. Кругом луга, пойменные старицы окружены ивняком. Чувствуется настоящее приволье, запахи трав начавшегося сенокоса, многочисленные группы косцов.

С бензином совсем плохо. Купить негде, приходится выпрашивать у приехавших на сенокос шоферов. Занятие противное, но что поделаешь. И так до Рассыпухинской плотины, выше которой в нескольких метрах располагается совхозный животноводческий двор. Еще выше в Мокшу впадает великолепная, почти равная ей, река Цна.

Перед плотинной разлив. Впервые видим значительные группы рыбаков. Закинуты десятки донок. В садках плещется рыба - судаки, лещи, окуни, голавли.

С интересом и небольшими волнениями проходим шлюзами плотины. Ниже ее рыбаков оказалось еще больше, чем в верхнем бьефе, Они с удовольствием показали нам свою добычу и с горечью рассказали, что зимой 1966—1967 года весь нижний бьеф был на полметра забит снулой рыбой, изгнанной из Оки. Самыми примитивными орудиями местные жители вытащили несколько тонн лещей, судаков, стерляди. Здесь, как и на Суре, повторилась неприятная картина - результат сброса промышленных вод одним из подмосковных заводов. Сейчас рыба опять ловится.

От Рассыпухинской плотины до Оки около 50 километров. Этот отрезок реки очень своеобразен. Он сравнительно безлюден. Река неглубока, со множеством песка нх отмелей и водой, по цвету приближающейся к окской. Она желтоватая и на солнце кажется похожей на цвет горячего, только что откачанного из сот меда.

Мокша здесь настоящая младшая сестра золотопесчаной красавицы Оки. Мы перешли Оку и сделали остановку на владимирской земле. На берегу, напротив нашей реки, стоит одинокое дерево. Крутая волна непрерывно подмывает и уже обнажила ее корни. Куда хватает глаз, лежит ровное поле. Когда-то здесь росли знаменитые муромские леса. В настоящее время леса по берегу реки вырублены.

На обратном пути мы отдыхали и работали в нашем лагере, где проходила практика студентов второго курса. Под селом Стандрово места богатые и привольные. Ребята в наше отсутствие захватили неводом улов за один заход около 85 килограммов преимущественно леща. Это рекордный улов за три года нашей работы на Мокше.

Там же мы узнали, что местные жители используют недозволенные методы лова с помощью электрической установки, смонтированной в одной механической мастерской. Во время нашего пребывания в районе села Стандрово мы лично видели только одного местного рыбака. По-видимому, недозволенный лов - явление эпизодическое.

Будучи студентом Нижегородского университета, домой - в Канавино я всегда ходил через Кремль по Ивановскому съезду. За Ивановскими воротами справа располагались торговые склады, а слева церковь, и выше ее две крошечные избушки. Их теперь нет. Давно снесли. Но в двадцатых годах одна из них постоянно привлекала мое внимание, особенно весной и осенью. Как бы не спешил я, около нее всегда замедлял шаг, на минутку останавливался, внимательно прислушивался и вглядывался в боковое окошечко.

Избушка уперлась фасадом в земляной склон горы как будто споткнулась, поднимаясь по крутизне. Наверное, со стороны Кремля первые венцы сгнили, и она односторонне осела, кланяясь знаменитому месту, где Козьма Минин звал нижегородцев на борьбу с врагами Родины.

Бревна избушки почернели, а на поросшей зеленым мхом крыше заплатами лежали ржавые листы железа. Казалось, что она чудом держится на склоне горы и очередным ливнем может быть снесена в Волгу.

Иной раз я приближался к домику, долго стоял перед ним и слушал. Наконец, точно помню, в мае решил переступить порог темных сенцев и постучался и обитую рогожей дверь. Меня приветливо встретил дед. Видимо, он давно заметил меня - парня в поношенном цвета увядшей картофельной ботвы пальто, который постоянно останавливается около его жилья.

- Проходи, проходи! - сказал он, смахивая с табуретки невидимую в полутьме пыль.

- Садись... Любишь? - спросил он, делая широкий жест рукой, показывая на десятки разнообразных клеток и клеточек, развешенных по стенам и закрывающих и без того крошечные окошки. Все клетки были заняты: в них сидели певчие птицы - желтые канарейки, скромные зеленоватые чижи. В этот яркий весенний день большинство из них пело, радуясь солнцу и теплым его лучам, проскальзывающим сквозь тонкие переплеты клеток. Птицы пели, словно соревнуясь друг с другом. В избушке стоял птичий гомон, более выразительный и громкий, чем в лесу.

Старичок был одет в холщовую рубаху, штаны из домотканой шерсти и самодельные березовые лапотки, издающие своеобразный скрип, когда он то и дело перебегал от клетки к клетке.

- Посиди, послушай. Я управлюсь с делами, и мы побалакаем.

Он чистил поилки - разнообразные глиняные черепки от старых горшков. Выметал с днищ, клеток мусор, сыпал разные семена в подвешенные к жердочкам кормушки. Я заметил, что некоторые певуны относятся к старику очень ревниво. Стоит ему отойти от клетки и перейти к соседней, как птицы начинают клевать прутья

и хрипло выражать свое недовольство. Они следят за каждым его движением. Вот он берет из мешочка семена - все замолкают и, перепрыгивая с места на место, внимательно наблюдают за хозяином. За долгую зиму птицы привыкают, приучаются и верно оценивают все поступки своего кормильца.

- Кто же ты будешь, добрый молодец? Какого рода-племени? Вижу, давно заглядываешь в окно, должно, любишь божью тварь. Хвалю, хвалю - за это многие грехи простятся. Ты не сердись на мои слова. Я, брат, с любовью. Мое дело чистое.

Так сыпал словами старик, усаживаясь на скамейке против меня.

Пришлось отвечать ему, как мы полагали в то время правильным,

- Сын рабоче-крестьянский, комсомолец, студент, а птиц люблю. Слух у меня не очень тонкий, мелодии запоминаю плохо, подражать птичьим песням не умею, но в лесу и на пашне лучших звуков, чем птичьи голоса, не знаю.

Подергал старик себя за бороду, потом поднял голову и тихо сказал:

- Ин, так! Коли все честно, это хорошо! Надо кротко... Я рад, что ты пришел с чистой душой. А я птичками кормлюсь. Слава богу, вся жизнь радость. Мне мало надо, а им и того меньше. Так и блюдем друг друга.

- Вы один живете?—спросил я старика.

- Один, один как перст. Была дочка. Давно умерла, говорят, с чахотки. Пошла за мужем в Сибирь и умерла там, а зятя казаки порубали. Давно это было. В восьмом году. Так и живу. Я не ропщу, нет. Все там будем. Мне с птичками весело. Они не злобные.

Смотрю я на птиц, старика и никак не пойму, где я его видел. Слышал? Те же слова, интонация. Доброта и ласка, светящиеся в глазах.

- Дедушка, сколько вам лет?

- Лет не много, а годов порядочно. Вот-вот восемь десятков отмахаю. Трех царей пережил...

Тогда я не вспомнил. Вскоре избушку снесли, и я не нашел старика. Ведь мы с ним уговорились вместе сходить и послушать лесных певунов. На птичьем базаре его я тоже не увидел. Да и дел было много. Прошли годы. Как-то на досуге я перечитывал своего любимого писателя - Алексея Максимовича Горького. В пьесе «Мещане» в который раз залюбовался образом старика-птицелова Перчихина, и меня осенило. Горький часто проходил по Ивановскому съезду, потому что рядом «Миллиошка» - ночлежка, с жителей которой он писал свою знаменитую пьесу «На дне». Он мог знать моего старика, у которого в свое время я не спросил даже имени. В 1927 году старику было под восемьдесят. «Мещане» вышли в 1901 году. В списке действующих лиц указано, что Перчихину 50 лет. Все совпадает. Может быть, это только моя догадка, но Алексей Максимович очень любил таких типов, которыми в свое время изобиловал Нижний Новгород.

Старик-птицелов с Ивановского съезда дополнил и в значительной мере определил мои склонности. В 1929 году я уже специализировался по орнитологии и учился по-настоящему в школе известного зоолога профессора В. В. Станчинского.

Во время экспедиций в 1930, 1934 и 1936 годах мне пришлось ближе познакомиться с животным миром Присурья и северной части Мордовии. Девять последних лет было посвящено работам по исследованию позвоночных животных

Мордовии и сопредельных областей. Контраст поразительный. Изменения, происшедшие за последние 35—40 лет, трудно представить.

Прежде всего мне хочется привести сравнение современного состояния с тем, что было 40 лет тому назад в отношении хищных птиц. В последние годы мы все чаще передвигаемся по маршрутам: от Ковылкина до Краснослободска, от Саранска до Темникова, от Саранска до Дубенок. Наши маршруты сейчас идут от Саранска на Суру и Мокшу в разных направлениях. Часть из них нам известна с прошлых лет.

Редко, очень редко встретишь пустельгу. В то время она была чрезвычайно многочисленна. А ведь пустельга непрерывно, в течение всего лета стережет поля и прежде всего поедает мышевидных грызунов и жуков.

Еще больший старатель за чистоту полей - канюк обыкновенный. Он питается почти исключительно мышевидными грызунами. Летает преимущественно над полями. К домашней птице - цыплятам - касательства совершенно не имеет. В тридцатые годы на полях около каждой деревни по крайней мере парочка канюков обязательно охотилась. Сейчас хорошо, если за целое лето встретишь пару-две этих полезнейших птиц.

В азарте юношеского коллекционирования в 1930 году летом в Мордовии, на полях южнее Кемли, не сходя с места, я добыл трех степных луней. Что касается полевых и луговых луней, то их просто не стрелял. Ведь каждую птицу то нашему зоологическому неписаному закону нужно превратить в чучело или тушку, если ты ее убил. А это часы, и часы утомительной работы за препаровальным столом. Луней было так много, и они были столь доверчивы, что убить их не составляло труда. Седые птицы неугомонно собирали с полей мышей и полевков. Луни друзья земледельца, полезнейшие птицы, уничтожающие вредителей сельского хозяйства. Теперь их практически не стало.

На реке Суре в 1936 году мы ежедневно видели скопу - хищную птицу величиной несколько больше луня и коршуна, светлой окраски со стороны брюшка, которая подбирает ослабленную и большую рыбу. Она питается только рыбой. За восемь последних лет на Суре мы ее видели (да и то под сомнением - птица летела очень высоко) всего один раз.

Крупных хищников - орлана, подорликов на Суре нет; на Мокше последний единичен. Почти совершенно исчезли соколки. Редок зимняк.

За год полевая мышь съедает до трех килограммов зерна. Вышеуказанные хищники уравнивали их количество, не допускали чрезмерного увеличения их численности. Бессловесные и ревностные трудяги, они делали полезнейшее дело, не требуя вознаграждения.

Кто виноват, что общество лишилось столь важного фактора в защите урожая? Мы явно недооцениваем роли птиц в уничтожении насекомых. Опыты, проделанные нашими сотрудниками и студентами на биологической станции, показывают, что мелкие птицы на своих гнездовых участках во время выкармливания птенцов полностью выедают все население насекомых, из которых большинство вредители лесного и сельского хозяйства. Уменьшение птичьего населения в естественных и культурных ландшафтах - явление в высшей степени неблагоприятное для общества.

При внимательном анализе этого вопроса приходишь к выводу, что его не так просто решить. Есть известная доля так называемых объективных причин, связанных с современной системой земледелия в нашей стране. Но есть и очень распространенная система вредного бездумья и неграмотности. Это - оружие в руках подростка. Численность его практически столь велика, что трудно поддается учету.

Прежде чем подросток получит в руки ружье, он должен пройти суровую школу воспитания в союзе рыбаков и охотников. В результате прохождения искусства в союзе ребята должны стать яростными защитниками всего живого в природе и противниками бессмысленного убийства полезных и нужных человеку животных.

Очень повинны в уничтожении полезных хищных птиц и «охотники», выезжающие на охоту с рюкзаками, набитыми сорокаградусной. В пьяном азарте они стреляют не только по бутылкам, но и во все живое. Таких нужно лишать права на охоту.

В течение последних восьми лет я близко наблюдаю охоту на водоплавающую дичь. Каждый год она начинается значительно раньше объявленного срока. Более того, она практикуется повсеместно и в те весенние сезоны, когда охота запрещена. Вывод прост: для контроля исполнения закона необходимо посылать бригады членов союза и комсомольские дружины для задержания нарушителей. Пока еще необходима строгость в этом деле.

Слишком велики «нормы» охотников на имеющиеся выводки. Весенняя охота разрешается только на селезней. Однако стреляют и самок. Охота с подсадными практически встречается в виде исключения, а при прочих условиях отличить и выстрелить именно по селезню весьма затруднительно.

Напротив с. Стародевичья на Мокше обширная пойма с большим количеством открытых озер, когда-то очень богатых дичью. По словам старожилов, никто не смел здесь начинать охоту раньше середины августа. Нарушителей не только порицали, но порой и били. Сейчас на глазах у всех стреляют до срока местные и приезжие охотники. Никто и слова не скажет. Охотников стало в десятки раз больше и, следовательно, нужен более строгий порядок.

Очевидно, сельским Советам, депутатам, уполномоченным при полном содействии общества охраны природы и союза рыбаков и охотников следует перед открытием охоты предупреждать население о правилах и ответственности. Незарегистрированное оружие, выявленное на охоте, органам милиции по закону следует отбирать.

По нашим наблюдениям, количество охотничьей дичи в Мордовии за последние 30—40 лет уменьшилось в десятки раз, притом самой ценной. Прежде всего стало ничтожно мало благородных уток, тетеревов, куропаток.

Практически нет глухаря. О гусях можно услышать только во время пролета; лебедей не видно и на пролете.

Охотничьи организации предпринимают самые серьезные меры для увеличения дичи и обогащения фауны наших природных комплексов. К сожалению, дело продвигается вперед очень медленно.

Мы - натуралисты констатируем резкое обеднение орнитофауны, которое сказалось не только на вышеупомянутых видах, но на всех группах. Резко уменьшилось количество насекомоядных птиц, основных охранителей наших лесов, парков и садов от вредных насекомых. Это представители самого многочисленного отряда воробьиных, насчитывающего 5418 видов, или 63 процента всего класса Птицы.

Большинство видов воробьиных связано с древесной и кустарниковой растительностью. Это мелкие и средних размеров птицы. Наиболее крупная из них — ворон, он весит около 1,5 килограмма; самая маленькая у нас в Мордовии и в СССР - королек, только 5—7 граммов.

После рыб птицы - самая многочисленная группа позвоночных животных, которая использовалась человеком с незапамятных годов. Вкусное мясо, шкурки, перья для украшения. Все это человек получал без всякой опасности для себя и практически без оружия. Яйца собирались и собираются в огромном количестве и до настоящего времени. Так сложились отношения человека с представителями этого класса.

Развитие земледелия и его высокотехнические современные формы заставили посмотреть на птиц и с другой стороны. В частности, воробьиные приносят очень большую пользу, поедая насекомых и семена сорняков. Уменьшая площадь насаждений, тем самым способствуем увеличению количества вредителей и уменьшению их врагов — птиц - во вред своему хозяйству.

Птицы - разумные существа и там, где их любят, привыкают к человеку.

Не могу без улыбки вспомнить случай, когда по милости большой синицы обозвал себя всяческими обидными словами. Мой друг, имеющий за городом дачу, уехал в командировку и попросил в ближайший выходной день сходить на участок и отоптать приствольные круги яблонь. Еще раньше он мне рассказывал, что для охраны сада от вредителей он привлекает певчих птиц.

В воскресенье я отправился на дачу. Весенний день бодрит тело и радовал душу. Так покойно было в лесу. Так тихо, словно уснула сама природа. Сугробы снега на опушке стали принимать причудливые формы, но в саду наносы еще не были тронуты. Стараясь не насыпать снега за голенища валенок, я начал подбираться к стволам, прокладывая глубокие траншеи. Почти сразу же, как только я вошел в калитку и проник к домику, в саду появилась сначала одна, а за ней и другие стайки синиц. Они расселись на высокой вишне, перестали чирикать и, странно нахохлившись, минут десять сидели почти неподвижно. Это было так непохоже на синиц, всегда энергичных и исключительно всегда деятельных, что я начал задавать себе всякие вопросы по поводу непонятного поведения.

Отсидев положенное время, синицы, как по сигналу, снялись и улетели. Примерно через 15—20 минут вновь появились, но на этот раз вели себя более активно. Они лазали по веткам, спрыгивали на прикрепленный к стволу вишни фанерный лист. Такой вот активный поиск продолжался две-три минуты, после чего с громким криком стайка улетела.

Только тут я понял, что это был крик возмущения. Я представил себе свое собственное изображение глазами синиц — огромное существо и не может догадаться, что сейчас еще очень холодно. Насекомые с тонких веток молодого сада давно собраны. Есть приходится в день вместо шести раз всего один-два, да и то не досыта. Ночь очень длинная и легко замерзнуть. Разве так трудно было захватить горсть крошек и малюсенький кусочек свежего сала. Так я читал себе нотацию, но синички, обидевшись, улетели, не получив плату за работу, которую весь год делают, очищая сады от вредных насекомых.

Друг мне потом рассказывал, что он тоже один раз получил такой урок и теперь помнит, что в сад нужно идти с пищей для зимующей мелюзги и не забывать насыпать ее на кормовую площадку.

На необозримых просторах нашей родины одной из излюбленных птиц является скворец. День птиц в пионерских организациях школ посвящается преимущественно этому вестнику весны. Характерно, что у славян скворец издревле почитался и убить скворца считалось тяжким грехом. Совершенно другое отношение к нему было во многих странах Западной Европы и Ирана. В средние века под карнизами крыш ставились глиняные горшки-ловушки. Стоило прилетевшей птице войти в горшок, как ниточка или жердочка, установленная внутри, срабатывала и птица оказывалась в темнице. Отловленные за день птицы шли на кухню в суп или жаркое. Несмотря на агитацию общества защиты животных, в ряде стран до сегодняшнего дня певчих птиц отлавливают на перелете сетями и употребляют в пищу. Такая судьба уготована не только скворцам, перепелам, дроздам, но и жаворонкам, соловьям...

О скворцах и скворечниках необходимо сказать подробнее. Массовое производство скворечников в нашей стране и полная охрана скворцов в средней и северной зонах СССР привели к тому, что численность птиц этого вида достигает в настоящее время колоссальных цифр.

Выкармливая птенцов, скворцы у нас приносят весьма существенную пользу. Каждый из родителей за летний день успевает слетать за пищей для своих детей иногда более 300 раз. Часто в клюве он несет сразу несколько насекомых. Одним словом, польза от скворца у нас весной и летом совершенно очевидна. Не говоря уже о том, что весеннее пение этой птицы рождает у человека радость и бодрость.

Наступает осень. Тысячные стаи этих птиц летят на юг и нередко производят серьезные опустошения на плантациях виноградников и фруктовых садов. Правда, сроки сбора вишни, наиболее страдающей от скворцов культуры на юге, и сроки массовых передвижений наших птиц на юг не совпадают. По-видимому, это касается птиц более южных популяций. Наши скворцы летят значительно позднее, когда уборка вишни на юге давно закончена. Тем не менее с фактами нападения на плантации приходится считаться.

В связи со всем тем, что сказано о скворце, специалисты-орнитологи считают, что ко Дню птиц предпочтительнее готовить больше не скворечников, а гнездовых и домиков для синиц, мухоловок.

В мире насчитывается около миллиона видов насекомых. Большинство их приносит вред, но многие полезны. Отсюда становится понятна роль воробьиных птиц в природе и для человека. Стоит вспомнить только кровососущих насекомых — комаров, мошек, клещей — переносчиков энцефалита, клопов, с которыми в природе практически борются только птицы, чтобы оценить благотворную роль последних для человека.

Огромные количества насекомых поедают растения, большая группа их потребляет запасы пищевых продуктов, сосредоточенные в складах и жилищах, портят ткани и книги. Только абсолютное бездумье заставляет наших юных горе-охотников стрелять в птиц и разорять гнезда.

В. М. Смирнов, еще будучи студентом, по нашему заданию попытался выяснить значение врановых птиц в городе Саранске. Им были получены интересные данные. Ворону отлично знают все, видя ее ежедневно на свалках и помойках. Но мало кому известно, какую важную роль она играет в санитарной очистке города.

При наступлении зимы ворона в городе и его окрестностях устраивает ежедневные охоты на мышевидных грызунов. Перед наступлением зимы ей нужно свежее мясо. Питание ворон в зимнее время представляет большой интерес. По нашим исследованиям, в желудках ворон, отстрелянных в феврале, содержатся семена пшеницы и ржи, трудно определяемые отбросы, скорлупа куриных яиц. В марте — обрывки колбасы, кости, семена растений. Ворона, таким образом, птица всеядная и особенно зимой не брезгающая никакой пищей.

Питание галок зимой сосредоточено преимущественно на свалках, где они роются и выбирают подходящие кусочки. Осенью на реке можно видеть по первой наледи около открытой воды шеренги галок и ворон, вылавливающих плывущие отбросы. Численность врановых в городе исключительно велика. Это преимущественно галки и вороны. Сороки в городе единичны, так же, как и грачи. Последние остаются у нас на зимовку только по причине болезни или инвалидности, мешающей им улететь вместе с остальными.

Второго декабря 1968 года мы подсчитали на 32 тополях усевшихся на ночевку птиц. Их оказалось 9531. Подсчеты в двух стаях дали представление о количественном соотношении видов: в одной стае было 370 галок и 30 ворон, в другой 62 вороны и 15 галок. Нужно полагать, что во всем городе кормится в зимнее время несколько десятков тысяч птиц.

Вес пищевого комка у вороны колеблется в феврале от 4,5 до 8 граммов; в марте от 4 до 10,5 грамма. У галки средней вес комка оказался равным 5,3 грамма. Общее количество отбросов, собираемых этими двумя видами птиц в городе, составляет внушительную цифру - около 1 —1,5 тонны в сутки.

На примере врановых птиц можно судить о несомненной пользе, которую приносят птицы человеку. Современная наука утверждает, что сейчас нет ни одного вида птиц, которые заслуживали бы преследования и тем более уничтожения.

Борьба за охрану птичьего населения Земли ведется во всех странах, на всех континентах. Тем не менее с 1750 года по настоящее время полностью вычеркнуто из списка жителей нашей планеты 44 вида и 43 подвида птиц. На пути к уничтожению находится 600 видов животных.

В настоящее время человек стал таким сильным, что обязан взять на себя ответственность за сохранение полезных и украшающих его жизнь животных и в первую очередь птиц.

В связи с поднятыми вопросами нужно сказать несколько слов об организации хозяйства союза охотников и рыболовов. Настало время твердо сказать любителям охоты, что потребительское отношение к природе уже пройденный этап. Если хочешь стрелять дичь, прежде необходимо ее развести. Иного выхода нет! Все так называемые приписные хозяйства должны иметь свои питомники или один-два централизованных на всю республику. Выращенные куропатки, тетерева, утки, зайцы выпускаются на приписном хозяйстве а строго определенное время, в соответствии с ним выдаются разрешения на отстрел. Каждое приписное хозяйство получает из питомника то количество дичи для выпуска, которое соответствует денежным вложениям его членов. Опыт Чехословакии, ГДР, Венгрии и других государств, где хорошо налажено охотничье хозяйство, показывает, что только такая форма его ведения возможна в настоящее время.

Наши леса должны звенеть птичьими голосами. Человек нашей страны не должен быть нахлебником природы. Он должен стать ее созидателем. В этом смысл понимания нашего отношения к естественным ресурсам, которые имеются на планете и которые человек получил в подарок от природы.

При наступлении зимы ворона в городе и его окрестностях устраивает ежедневные охоты на мышевидных грызунов. Перед наступлением зимы ей нужно свежее мясо. Питание ворон в зимнее время представляет большой интерес. По нашим исследованиям, в желудках ворон, отстрелянных в феврале, содержатся семена пшеницы и ржи, трудно определяемые отбросы, скорлупа куриных яиц. В марте — обрывки колбасы, кости, семена растений. Ворона, таким образом, птица всеядная и особенно зимой не брезгающая никакой пищей.

Питание галок зимой сосредоточено преимущественно на свалках, где они роются и выбирают подходящие кусочки. Осенью на реке можно видеть по первой наледи около открытой воды шеренги галок и ворон, вылавливающих плывущие отбросы. Численность врановых в городе исключительно велика. Это преимущественно галки и вороны. Сороки в городе единичны, так же, как и грачи. Последние остаются у нас на зимовку только по причине болезни или инвалидности, мешающей им улететь вместе с остальными.

Второго декабря 1968 года мы подсчитали на 32 тополях усевшихся на ночевку птиц. Их оказалось 9531. Подсчеты в двух стаях дали представление о количественном соотношении видов: в одной стае было 370 галок и 30 ворон, в другой 62 вороны и 15 галок. Нужно полагать, что во всем городе кормится в зимнее время несколько десятков тысяч птиц.

Вес пищевого комка у вороны колеблется в феврале от 4,5 до 8 граммов; в марте от 4 до 10,5 грамма. У галки средней вес комка оказался равным 5,3 грамма. Общее количество отбросов, собираемых этими двумя видами птиц в городе, составляет внушительную цифру — около 1 — 1,5 тонны в сутки.

На примере врановых птиц можно судить о несомненной пользе, которую приносят птицы человеку. Современная наука утверждает, что сейчас нет ни одного вида птиц, которые заслуживали бы преследования и тем более уничтожения.

Борьба за охрану птичьего населения Земли ведется во всех странах, на всех континентах. Тем не менее с 1750 года по настоящее время полностью вычеркнуто из списка жителей нашей планеты 44 вида и 43 подвида птиц. На пути к уничтожению находится 600 видов животных.

В настоящее время человек стал таким сильным, что обязан взять на себя ответственность за сохранение полезных и украшающих его жизнь животных и в первую очередь птиц.

В связи с поднятыми вопросами нужно сказать несколько слов об организации хозяйства союза охотников и рыболовов. Настало время твердо сказать любителям охоты, что потребительское отношение к природе уже пройденный этап. Если хочешь стрелять дичь, прежде необходимо ее развести. Иного выхода нет! Все так называемые приписные хозяйства должны иметь свои питомники или один-два централизованных на всю республику. Выращенные куропатки, тетерева, утки, зайцы выпускаются на приписном хозяйстве а строго определенное время, в соответствии с ним выдаются разрешения на отстрел. Каждое приписное хозяйство получает из питомника то количество дичи для выпуска, которое соответствует денежным вложениям его членов. Опыт Чехословакии, ГДР, Венгрии и других государств, где хорошо налажено охотничье хозяйство, показывает, что только такая форма его ведения возможна в настоящее время.

Наши леса должны звенеть птичьими голосами. Человек нашей страны не должен быть нахлебником природы. Он должен стать ее созидателем. В этом смысл понимания нашего отношения к естественным ресурсам, которые имеются на планете и которые человек получил в подарок от природы.

Есть такой участок на реке Суре между ее притоками Узой и Кададой в Пензенской области, для характеристики которого приходится употреблять старинные слова, чтобы приблизительно выразить «красоту неописуемую».

Уже поздно, но никто не ложится спать. Одни смотрят на рдеющие угли догорающего костра, другие следят за полетом облаков между вершинами сосен и только что рждающимися звездами. Все молчат. Лица задумчивы, сосредоточены так, как бывают в минуты молчания перед расставанием. Тишина нарушается лишь щелчками, которые издаот сырые подброшенные в костер ветки.

У Светланы особенное лицо: днем оно красиво и холодно, сейчас красные всплески пламени делают его живым и почему-то очень грустным. Впрочем, понятно - прошло всего полгода, как она замужем, и из этого короткого промежутка времени уже месяц в разлуке. Ничего не поделаешь - преддипломная практика, Володя должен был уже приехать. Двое суток ожидания, таких томительных и, кажется, бесконечных, прошли после условленного срока, а его все нет и нет. Здесь глушь, и мало ли что могло случиться с ним в дороге.

Света безвольно скрестила руки на коленях и смотрит на реку, скользит взглядом по темной стене леса на противоположном берегу, вздрагивает, когда кто-нибудь из девушек вносит из окружающей темноты охапку сучьев.

С непривычки в лесу жутко. Парни застряли в селе, куда ушли за хлебом. А девушки, что они могут. Сидят вокруг костра, согнувшись и закутав колени полами телогреек. Особенно страшно в этой глухомани потому, что кругом старый лес, до села километров пять. Люди здесь не ходят. Вот и сидят, чутко прислушиваясь к звукам ночного леса.

Вдруг из темноты неслышно появилась длинноногая фигура с авоськой в одной руке и порядочной дубиной в другой.

- Здравствуйте, мученики от науки! - раздался знакомый голос.

Света вскочила. Девушки что-то кричали, но она их не слышала. Подбежав к мужу, она прижалась к нему.

- Я так боялась, - произнесла она, и слезинка начала медленно-медленно катиться по розовеющей щеке к изгибу полураскрытых губ.

- И не напрасно, - ответил Володя, - а где ребята?

- В село за хлебом ушли.

- Что так поздно?

- Ушли днем и все нет и нет. Мы волнуемся.

- Жаль, уйдут!

- Кто уйдет?

- Браконьеры. В трех километрах отсюда лося завалили.

На лугах послышались голоса, и к реке вышли трое ребят с рюкзаками, наполненными хлебом.

- Лодку!.. - зазвенел многоголосый лес.

- Сейчас!—в разноречии ответили девушки.

- Почему так долго? Мы тут за вас переволновались

- Здорово, Володя! Видишь, начинают ценить нас, мужчин. Хлеб под вечер привезли. Кроме того, сельсовет заинтересовался нашими личностями. Документы проверили. Побеседовали. Как добрался? Что на кафедре? Шефа видел? Саранск на месте? - забросали Володю вопросами, отчитываясь перед своими спутницами.

- Добрался, как видите, хорошо. Искал вас по берегу. Думал, одному в лесу ночевать придется. Хорошо, что большой костер развели. Его увидел, обрадовался. Полагал, что, кроме вас, на реке никого нет. Ошибся! Браконьеров встретил.

- Рыбу ловили?

- Лося потрошили. Я на них случайно наскочил. Сошел я на станции Канаевка, сначала двигался по железнодорожному полотну, потом пересек речку Ишимку и свернул к Суре, иду по тропке. Нет ни души. Спросить некого, а спросить нужно, где сейчас находится ваш «караван». Вдруг вижу впереди две фигуры. Сквози деревья мне показалось, что они то и дело наклоняются. Присмотрелся - боязливо оглядываются. И торопятся, видно, что торопятся. Я остановился. Вижу, один поднял ногу какого-то животного, а другой ее отрубает. Мелькнуло в голове: «Лося убили». Что делать? Я один, безоружный и в то же время свидетель. Потихоньку в сторону. Сделал большой крюк, а сам слежу за ними. Как-то нечаянно наступил на сухой сучок, раздался треск. Вижу - оба вздрогнули, быстро выпрямились. Один стоит с топором, второй схватил винтовку. Тут я приударил. От страха не помню, сколько времени, не разбирая дороги, бежал. Темно стало. Недалеко отсюда опомнился. Костер увидел и боюсь подходить.

- Далеко отсюда? - спросил тезка.

- Километра три.

- Пойдемте. Возьмем ружья и пойдем.

Девушки запротестовали. Особенно Светлана. Она вцепилась в рукав мужа и заявила:

- Ни за что не отпущу! Ночь! Ушли они давно. Разве будут ждать, - твердила она как-то механически.

Решили поехать рано утром. Сразу после завтрака погрузили имущество и начали спускаться по реке. Володя внимательно вглядывался в берега и смущенно пожимал плечами.

- Некогда было примечать в темноте. Должно быть, где-то здесь, - сказал он, - вон ниже дуб упал в воду. Я его еще пожалел - такой мощный. Тут сразу и заметил. Давайте к берегу.

Парни вышли из лодок.

Здесь! - крикнул Слава, шедший несколько в стороне.

На небольшой прогалине, среди старых осин, окруженных кустами, лежали останки лося. Это была молодая лосиха не старше пяти лет. За одним из кустов валялась простреленная голова. Выстрел был сделан сверху. Это озадачило ребят. Но скоро все

выяснилось. По крутому склону пролегал след. Бандиты тащили лосиху из воды. Остатки изрубленной шкуры были еще мокры. Очевидно, зверя убили, когда он переплывал через реку и приблизился к берегу, где его сторожили браконьеры.

Куски мяса, внутренности валялись на всей площадке. Большой мешок матки был кроваво-красным. Очевидно, лосиха родила лосенка совсем недавно. Что стало с малышом - выяснить не удалось.

Внимательно осматривая берег, ребята обнаружили большое количество следов лосей разного возраста. Не трудно было догадаться, что расположенный в ближайшей низине осинник и ивняк привлекали зверей со всей округи. Стало ясно, что это пустынное место, постоянно посещаемое лосями, было известно в первую очередь жителям ближайших деревень, сел и города Сурска.

Следы резиновых сапог многократно вели к реке. Врез долбленки был отчетливо виден на заиленном побережье. Стало ясно, что мясо увезено на лодке.

Володя поискал свой след и обнаружил его не менее как в ста метрах от браконьеров.

С гневным чувством мы покинули это место, решив сделать в Сурске заявление о случившемся в милицию.

Численность лося - этого крупного зверя в разных областях Союза подвержена значительным колебаниям, которые зависят только от воздействия человека. При надлежащей охране количество их быстро возрастает: лосиха рождает двух лосят, реже одного или трех. Строгость соблюдения закона по поводу их отстрела привела к тому, что в пятидесятых годах повсеместно в соседних с нами областях - Пензенской, Ульяновской, Рязанской, Горьковской, Московской - количество лосей превысило допустимые нормы. Лоси помимо осины, тополя, ивы в зимнее время чрезвычайно охотно поедают «свечки» молодых сосенок, что делает их просто вредными в молодых посадках. В связи с этим обстоятельством и был разрешен отстрел лосей по лицензиям.

В Мордовии мы ежегодно видим лосей в Симкинском и Дубенском лесничествах на Суре; в Ковылкинском, Темниковском на Мокше и прилегающих к Мордовскому заповеднику лесах. Там, где лося не преследуют браконьеры и имеются пищевые ресурсы, он в настоящее время не редок. В районе биологической станции Мордовского университета лось довольно обычен, и у меня личное впечатление такое, что здесь он людей опасается мало. Здесь браконьерами было убито несколько лосей, что, может быть, скажется на численности и доверии к человеку.

Издrevле лось в России был распространен по всей таежной зоне и в островных лесах. Едва ли не наибольшее количество мяса запасалось именно за его счет. Так, в частности, было во время похода Ивана Грозного на Казань, когда в «засаках» было добыто для армии значительное количество мяса. Раньше с лосем, может быть, в известной мере соперничал медведь. Этот крупнейший хищник, однако ведущий преимущественно растительноядный образ жизни, в старину был не только предметом охотничьей «забавы». Для крестьянского населения лесной зоны он был и поставщиком мяса. Может быть, даже весьма существенным. Тем более, что там, где жил бурый медведь, лось селился неохотно.

Сейчас сильно увеличиваются в числе так называемые синантропные, т. е. уживающиеся с человеком виды. Лось, по-видимому, принадлежит к этой категории, и только от человека зависит, сколь много их стоит иметь в том или ином лесном массиве.

Лось - зверь дикий и сильный. Он, однако, может представлять опасность для человека преимущественно во время гона, в конце августа - сентябре.

В старину говорили; «Идешь на медведя — постель готовь, идешь на лося — гроб теши». Разъяренный лось в этот период очень опасен, что следует знать и избегать с ним встречи в это время. В другое - лось мирное животное, как правило, уступающее человеку дорогу, в чем я лично убедился, сталкиваясь с ним в лесу даже ночью на дорогах Симкинского лесничества.

Как известно, в наших северных заповедниках весьма успешно осуществляется одомашнивание лося. Выросшие в непосредственной близости с человеком лосихи выдаиваются, давая лечебное и исключительно жирное молоко, а самцы ходят в упряжке.

В мордовских лесничествах семьи лосей известны каждому леснику. Следует сделать лишь один шаг - показать этим животным, что к ним относятся по-доброму.

Пусть читатель не изыщет, что, говоря о серьезных вопросах охраны природы, я сопровождал их разговорами о бытовых деталях нашей жизни. Описывая картины родного края - делал отступления. Все они - главные и второстепенные моменты содержания книги, по мысли автора, должны были убеждать и объяснять необходимость сознательной охраны природы.

Может быть, завтрашние идеи будут выглядеть несколько иначе, но природа не станет другой. Охраняя природу, мы не можем отстраниться от ее законов. Мы жили, и следующие поколения будут жить только в ней. Охрана природы - понятие не беспочвенное, оно неразрывно связано с природопользованием. Это две стороны одной медали, две стороны нашей в ней жизни. Они должны быть направлены на пользу общества.

Содержание

От Автора.....	4
1. Студенты.....	6
2. Иван Дмитриевич.....	8
3. От Сурской шишки до Волги.....	13
4. Рыбы и браконьеры.....	26
5. Мокшанские перекаты.....	35
6. Земля не растягивается - <i>нет</i>	
7. Растет сосенка - <i>нет</i>	
8. Птичий гомон.....	51
9. У останков лося.....	59
10. Как вам дышится - <i>нет</i>	
11. Мечта или необходимость - <i>нет</i>	

P.S. Если Вы заинтересовались природой Мордовии, в частности, рыбным населением, амфибиями и рептилиями, можете посетить сайты:

<http://fish.13rus.ru> – Рыбы Мордовии

<http://herpeto-volga.apus.ru> – Герпетофауна волжского бассейна